

Баловень - 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Шамрин Николай

Николай Шамрин

Баловень – 2

«Автор»

2023

Шамрин Н.

Баловень – 2 / Н. Шамрин — «Автор», 2023

"Баловень - 2" - это продолжение истории Павла Коробова, сына высокопоставленного партийного работника, в силу стечения обстоятельств оказавшегося в плену афганских моджахедов. Все персонажи романа вымышлены. Любые совпадения носят исключительно случайный характер.

© Шамрин Н., 2023

© Автор, 2023

Николай Шамрин

Баловень – 2

Глава 1. Возвращение к жизни. Обитатель зиндана

Пашка открыл глаза и увидел небо. Он сразу вспомнил, что уже видел его тысячу лет назад. Высоким, чистым и круглым, словно вырезанным из выбеленного полотна. Он даже вспомнил, как беседовал с неизвестным, невероятно дурно пахнущим существом, и как ему захотелось уйти из того ужасного сна, вернувшись в свою настоящую жизнь, пусть не совсем складную, зато дающую возможность вдохнуть полной грудью свежий и чистый воздух.

– Оклемался? – Глухой голос пробился в мозг, как через плотно застегнутый шлемофон. – Давно пора. Которые сутки в отрубоне. Я уж было думал, не жилец ты. А оно, вишь как? Сегодня ночью даже не стонал. Вот только не знаю, повезло тебе, братишка, или нет. Теперь сам решать будешь.

Пашка повернул голову в сторону говорившего и увидел то самое жуткое существо, с которым, как ему казалось, он разговаривал в своих странных сновиденьях.

– Ты кто? – Коробов задал вопрос, всё ещё надеясь, что это всего лишь продолжение кошмара.

– Я? – Существо слегка подвинулось вперёд и тут же превратилось в худощавого оборванца, обросшего длинными, давно нечёсанными волосами и жидкой бородкой. Ткнув пальцем вверх, человек быстро забормотал. – Они зовут меня Махмудом! Но я-то знаю, что у меня другое имя. Просто я его забыл.

Пашка плотно сжал веки, желая вырваться из состояния мерзкого полусна. Перед его внутренним взором, словно кадры иностранного боевика, замелькали картинки прожитых им событий: вот он зачем-то выползает из бокового люка бронетранспортёра, пригнувшись, бежит вдоль остановившейся колонны, с кем-то перебрасывается словами-вопросами и снова бежит к горячей головной машине. Зачем? Наверное, забыл в ней что-то важное? Он даже вспомнил, как споткнулся о лежащее на гравии тело, перемазанное свежей кровью и жирной копотью. А затем в мозг ворвался грохот взрыва и ощущение короткого полёта. Не в силах досмотреть внезапно нахлынувшие воспоминания, Коробов вздрогнул и открыл глаза. Человек, назвавшийся Махмудом, сидел на корточках напротив и с любопытством вглядывался в его лицо. В его глазах светилась мысль:

– Наверное, ты всё-таки выживешь. Только зря всё это...

Пашке стало нелегко смотреть в лицо этому парню. Он уже точно знал, что попал в беду, но всё ещё пытался отогнать от себя пугающее слово «плен». Оперевшись руками о глиняный пол, Коробов попробовал приподнять непослушное тело повыше. Ему хотелось получше разглядеть своего нового товарища. Получилось. Назвавшийся Махмудом одобрительно кивнул:

– Зашевелился? Скоро ты вообще поправишься. – Внезапная судорога исказила его лицо, а в уголках рта показалась пена. Однако тот даже не попытался вытереть губы. Странно взглянув на Павла, человек невнятно, несвязно и торопливо забормотал. – Хрен ты поправишься... Не с чего поправляться. Они и так жрать дают на самом доньшке... Ты сам дня четыре ничего не жрал... Если бы не я, совсем бы подох... Я-то тебя водой поил, жизнь твою вонючую спасал, а теперь ты меня обжираться будешь? Хрен тебе! Зачем тебе жрать? Я ведь давал тебе жрать..., уговаривал! Но ты только выплёвывал. Еду выплёвывал. Как верблюд. Ты хоть знаешь, ишак ослиный, где мы сейчас живём?

Страх буквально парализовал Пашку. Он понял, что у Махмуда не всё в порядке с головой. Взяв себя в руки, неожиданно для себя назвал первый пришедший на память город:

– Знаю. Мы в Свердловске. – Сказал и поразился перемене, мгновенно произошедшей с товарищем по несчастью. Его глаза перестали бегать, в них снова появилась мысль, а лицо разгладилось. Парень скептически хмыкнул и, продолжая пристально смотреть на Коробова, устроился поудобнее, спиной оперевшись на глиняную стенку их жилища.

– Не валяй дурака, братишка. Это ты, наверное, сам из Свердловска. Вот и ляпнул для балды. Мы в плену у духов. – Голос Махмуда звучал спокойно, без истерических ноток. – Эта яма называется зиндан. Теперь это и твой дом. Кстати, – парень приложил палец к губам и заговорил потише, – меня совсем не Махмудом зовут. Меня зовут Толик. Толик Гучко я. Зря ты меня ихним именем назвал. Зря. Я – Толик! Запомнил? Никакой я тебе не Махмуд.

Пашка хотел было объяснить, что вообще не упоминал имён, но заметив, как помутнели глаза Анатолия, согласно кивнул:

– Извини. С языка нечаянно сорвалось. Ты давно здесь? Ну, в зиндане этом... – не успев закончить фразу, Коробов вдруг почувствовал сильнейший приступ жажды. Видимо, возвращающийся к жизни организм начал требовать компенсации упущенного. С трудом смочив разом пересохшие губы остатками слюны, еле выговорил переполненные мольбой слова. – Толик, дай пожалуйста воды. Очень пить хочется.

Парень с готовностью поднялся с места, хотя мог просто протянуть руку к ведру, стоящему в полуметре от него.

– Сейчас, братан! – В его голосе звучали искренние участие и сострадание. – Слышь? Нам сегодня повезло. Они с утра полное ведро свежей воды спустили. Я, правда, отпил малость. Но нам обоим до завтра хватит. Ты прямо из ведра пей. Только немного. Тебе много никак нельзя. Полбеда, если просто об***ся, а то и помереть можешь. Как не х*r делать!

Пашке казалось, что он успел сделать только один глоток, когда Толик вырвал из его рук ведро. Спокойно встретив озлобленно-недоумённый взгляд Коробова, парень миролюбиво улыбнулся и объяснился тоном учителя:

– Десять глотков. Всё. Хочешь – обижайся, хочешь – ругайся. Да, только тебе больше нельзя. – Бережно поставив ведро подальше от встревоженного соседа, постарался успокоить. – Не с*ы, братишка. Чуток попозже дам ещё чуть-чуть. Ты думаешь мне жалко? Ни хрена мне не жалко, просто тебе по капельке надо пить, – Толик зачем-то осмотрелся по сторонам и снова заговорил вполголоса, – ты сам подумай, куда я тебя дену, если ты подохнешь? Ты ведь совсем не тот, который на второй день при тебе помер. Или на первый? Не помню. Ладно. Тот, который афганец, он-то худой был. Как жердь. Да и вытащили они его на следующее утро. Даже завонять не успел. А ты? – казалось, что голос Анатолия сейчас взорвётся негодованием, – ты мужик крепкий. В теле, значит. Подохнешь, как мне твою вонь терпеть, если они тебя хотя бы на сутки здесь оставят? Тот-то. Тут братишка, о людях думать надо. А не только о себе. Ты лучше поспи чуток. Проснёшься, тогда и добазарим. Нам с тобой времени хватит...

Пашка хотел протянуть руку к ведру, но снова увидел, как мутнеют, покрываясь пеленой безумия, глаза товарища. Благо разумно решив не накалять обстановку, Коробов вздохнул и закрыл глаза. Спасительный сон обрушился на него почти сразу.

– Вставай. – Голос Толика звучал обыденно, без напряжения и злости. – Тебе пить пора. Вода, она брат, иной раз поважнее хавчика. Хотя, честно сказать, от него я бы сейчас не отказался. Кормят здесь хреново и не каждый день, но ты не обижайся. Всё равно жаловаться некому.

Пашка открыл глаза и решил не прерывать монолог товарища, чтобы ненароком не спровоцировать очередной приступ душевной болезни. Кивком поблагодарив Толика, самостоятельно отсчитал десять глотков живительной влаги. Парень, приняв полупустое ведро, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Вот ты спрашиваешь, когда они пожрать нам дадут. Скажу честно, хрен его знает. Бывало и по три дня не давали. Сегодня точно не было. Я бы запомнил. Ты не думай, что они дали, а я всё схавал, пока ты спал. Нет. Мы своих не бросаем. У нас всё по-честному. И поровну. У кого хочешь спроси. – Толик развёл руки, как бы предлагая пообщаться с невидимыми соседями, – все подтвердят. У нас не крысятничают.

Коробову снова стало жутко. Он понял, что его товарищ вновь погружается в бездну и решился задать вопрос, чтобы попробовать удержать несчастного на краю пропасти:

– Толь, ты говорил, что уже год здесь живёшь, – Пашка врал, говоря всё, что приходило в голову. Он уже перестал переживать за собственную судьбу, боясь, что ему придётся существовать в этой проклятой яме с сумасшедшим, – и ещё ты говорил, что родом из Херсона и знаешь, как меня зовут. Вроде бы я в бреду проговорился.

Зыбкие вечерние сумерки почти растворили неподвижную фигуру Анатолия, и Павел с большим трудом мог видеть лишь овал лица и глаза сидящего на корточках человека. Он даже подумал, что опоздал со своим вопросом, но Толик вдруг вздохнул и заговорил, явно находясь в глубокой задумчивости:

– Знаешь? Я иногда сам думаю, что сошёл с ума. Но ведь это не так. Ты же видишь, что я нормальный? – голос затих и фигура стала раскачиваться из стороны в сторону, – тебя зовут Паха. Хреновое имя. Я такого никогда не слышал. Птичье оно. Или собачье. Во сне я хожу по берегу моря. Почему? Не знаю. Я уверен, что никогда не был на море. И про Херсон я никогда не слышал. Ты врешь про Херсон. Мне снится какая-то деревня. Я не знаю, где она находится. Может быть, в твоём Херсоне? У меня часто болит голова. Там, наверху, они меня били. Очень сильно. Я просил не бить, но они не понимают нашего языка. Просто смеялись и продолжали бить. Думал, что подохну. Потом мне сунули книгу. Наверное, это был Коран. Старший ткнул в меня пальцем и сказал: «Махмуд». Вот и всё. Потом меня вытаскивали ещё пару раз. Заставляли читать эту книгу. А я не мог. Там вместо букв червячки какие-то. Как можно читать по червячкам? Меня снова избили и опустили сюда. Здесь было много людей. Они умирали и оставались здесь жить по нескольку дней. Я тоже хотел умереть, но у меня ничего не получалось. Понимаешь? – Толик сдвинулся с места и вплотную приблизил своё лицо к лицу Павла, – у всех получалось, а у меня нет!

Коробов подумал, что сейчас сам тронется умом. Он хотел было оттолкнуть от себя Толика, но тот вдруг успокоился и, порывшись у стены, извлёк кусочек плоской лепёшки. Сдунув с ломтика песок, протянул его Пашке:

– Тебе надо поесть. Я спецом для тебя заныкал. Мало ли? – вероятно его глаза уже давно приспособились к темноте и он заметил нерешительность в глазах товарища, – жуй, Паха. Давай я лепёху водой смочу? Легче жевать будет. – поколдовав над ведром, снова протянул размякший хлеб растерянному Павлу. – На! Ты его рассоси и по кусочкам захавай. Не торопись, братишка. И не вздумай ни с кем делиться. Обойдутся они. – Быстро оглядевшись по сторонам, снова приблизился вплотную, – с ними надо постоянно на стрёме быть. Я их еле уговорил хотя бы лепёху тебе оставить...

Пашка не смог справиться со всепоглощающим ужасом. Силы оставили его. Он даже не смог оттолкнуть от лица пахнувшую мочой ладонь с кусочком хлеба. Просто шагнул в ту самую бездну, от которой совсем недавно хотел спасти своего несчастного товарища.

Глава 2. Исповедь Толика

Пашка давно проснулся, но не спешил открывать глаза. Он понимал, что оттягивать «встречу» с Толиком глупо, и всё же решил подольше пожить вне общения с товарищем по несчастью. Ему даже подумалось, что неизбежное знакомство с надзирателями не так его угнетает, как перспектива сосуществования с полоумным соотечественником. В моральном плане, конечно. «Угораздило же меня...», – мысли парня всё ещё не вернулись к привычному ритму и

потому текли вяло и равнодушно, не желая соблюдать последовательность. – Что я за человек? Не человек, а чудовище какое-то. Плен? Почему именно я? Да ещё в одну яму с умалишённым. П***ц, какой-то! Хреново, что голова плохо соображает. Да и с памятью моей что-то стало. Как в той песне. Стоп! В какой песне? – Пашка напряг мозг, но от этого ещё сильнее зазвенело в ушах. – Нет. Не помню. Да и неважно. Да! Ротный! Надо постараться вспомнить как его звали. Наверное, тогда будет легче вспомнить всё остальное. А сейчас только обрывки какие-то. Так и рехнуться можно. Нельзя торопить события. – Видимо, мысли завершили некий цикл и вернулись в самое начало. – Чудовище! Может и в самом деле есть некто, кто следит за нами? И наказывает, если человек сильно провинился? Крест! Аннушка, прощаясь, дала мне крестик! Он должен быть на мне. Точно! Его никто у меня не забрал. Не нашли. Ни в военкомате, ни в учебке. – Пашка, не открывая глаз, осторожно дотронулся до груди и почувствовал твёрдый бугорок под курткой. Слабое ощущение счастья теплом отозвалось в сердце. – На месте. Стоп! Аннушка, крестик, военкомат, учебка! Я начинаю соображать! Неужели дело было в крестике?». Парень хотел было продолжить свои размышления, но в этот момент почувствовал, что восстанавливается не только душевно, но и физически. Что поделаешь? Природа берёт своё. Он не успел открыть глаза, как почувствовал осторожное прикосновение руки и негромкий голос:

– Просыпайся, братан! Тебе поесть надо, иначе никогда не поправишься.

Пашка даже вздрогнул от неожиданности: Толик сидел с боку и протягивал ему глиняную плошку, доверху наполненную каким-то месивом. Сосед, по-своему истолковав судорогу Коробова, понимающе кивнул:

– Ну да. И на вид полная х**я, и на вкус такая же хрень. Я себе на самом доньшке оставил. Перебьюсь. Тебе щас нужнее. – Словно стерев с лица непрошенную улыбку, строго продолжил. – Ты без этого варева долго не протянешь. Что я без тебя делать буду? А вместе нам легче. Не переживай, тебе только запах вдыхать поначалу нельзя. Проблюёшься с непривычки. Но ты себя заставь. Я тоже дня три к еде прикоснуться не мог. Потом привык. Тут, брат, разносолов не бывает. Это я точно знаю. – Снова улыбнувшись какой-то тихой улыбкой, предложил, – хочешь, я тебе ноздри зажму?

Пашка всматривался в лицо товарища и не верил своим глазам. Рядом с ним сидел всё тот же измождённый и оборванный, но абсолютно адекватный человек. Стараясь не смотреть на содержимое плошки, Коробов опёрся спиной на стену и смущённо спросил:

– Толик, а где здесь туалет?

Тот с готовностью поднялся с корточек:

– Лежи. Тебе пока ещё рано резко двигаться. Я тебе сейчас ведро подам. Ты не думай, это не то ведро, в котором они нам хавчик спускают. Я для верности на них разные буквы нацарапал. – Вручая Пашке ржавое ведро, ткнул грязным пальцем в боковину. – Видишь? Буква «сэ». Сортирное, значит. А на чистом я букву «хэ» написал. Для хавчика. Только зря я старался. У них там совесть какая-никакая, но осталась. А может, просто нельзя на кухню парашу носить. Не знаю. Я даже не знаю, что там за кухня такая. Ты когда п**шь, руки песочком протри. Воду расходовать нельзя. Её не каждый день дают. А песок сюда, наверное, ветер заносит. Завсегда чистый. Куда грязный девается, ума не приложу. Сколько здесь живу, ни разу песок наверх не подавал...

Пашка неловко улыбнулся:

– Отвернись. Стесняюсь я...

– Ладно.

Позавтракать всё же не удалось. После второй горсти месива Пашку, что называется, вывернуло наизнанку. Толик с сочувствием прокомментировал:

– Оно и понятно. Руки бы ихнему повару пообрубать. Или начпроду. Да толку-то? Ладно. Ты и лицо песком протри. Он мелкий, не оцарапает. Я пока приберу.

Наведя кой-какой порядок, Анатолий привычно опустившись на корточки заговорил, даже не собираясь спрашивать, хочет ли новый товарищ слушать его или нет. Видимо, истосковавшись по общению с людьми, он наслаждался возможностью поговорить с соплеменником. Его речь была сбивчивой и непоследовательной. Толик то и дело перескакивал с одной темы на другую, постоянно забывая, о чём говорил минуту назад, внезапно прерывая новый эпизод из своей жизни и возвращаясь к, казалось бы, уже забытому фрагменту повествования. Однако Павел внимательно слушал соседа, не прерывая вопросами или замечаниями. И не только потому, что боялся спровоцировать приступ душевной болезни. Он интуитивно хотел почерпнуть нужную для него информацию из путаного, местами противоречивого рассказа Анатолия. Какую и зачем? Коробов и сам не знал этого. Одно он знал наверняка: Толик – единственный источник сведений о жизни в подземной тюрьме. И отделив зёрна от плевел, можно будет хоть как-то спрогнозировать своё будущее. Потом. Когда окрепнет мозг и восстановится память.

Старожил зиндана начал в привычной для него манере:

– Вот ты спросил, когда я в плен попал? Дурацкий вопрос. Друзья так не спрашивают. Я же тебя не спрашиваю, когда ты попал в плен? Не спрашиваю, потому что знаю: дня два или три назад. Или четыре? Забей! Про тебя я всё помню и знаю. А вот про себя... – Толик умолк на пару секунд и, видимо, приняв важное для себя решение, продолжил почти шёпотом, – про себя мне говорить не велено. Но я плевать хотел. Расскажу. Я здесь нахожусь по заданию. Я – разведчик. А тебя просто наши бросили. Даже искать не стали. Не нужен ты никому. И вся надежда только на меня. – Не дождавшись реакции товарища, Анатолий, коротко вздохнув, заговорил обычным тоном. – Помнишь нашего старшину? Он ещё тогда на меня наорал. Мол, плохо я свою трубу начистил. Не до самого блеска. А откуда блеску взяться, если у меня асидол стырили? Вот я и почистил её зубной пастой. Не хуже получилось, но всё равно наорал. Козёл! Вернись с задания, попрошу, чтобы его на губу посадили. Или в зиндан. Хотя..., вроде не было у нас зинданов. Ну так вот, Андрюха подходит и говорит, мол, давай Толян, сгоняй за сигаретами в дуکان. Даже деньги дал. Ну, в тот, что сразу за колючкой. Я и пошёл. А чо? Все всё время ходили, и ничего. Нас афганцы цветами встречали. Ну, когда мы в этот город входили. Там человека четыре местных было. Я в очередь встал, а очнулся уже в барбухайке. Связанный. Зачем они меня связали? Я же по заданию? Ладно. Утром меня под руки подхватили и в дом повели. Мужик сидит в ихней шапке, на наш берет похожей, чай пьёт, лопочет на своём бабайском. Медленно так... Ладно, хрен с ним. Потом со мной ещё двое пацанов было. Везли куда-то, но только по ночам. Артур и говорит: «Бежать нам надо!». Я на него как на дурака смотрю, куда бежать-то? Горы вокруг. Холодно было. Правда, афганцы нам одеяла дали. Ты не думай, не под расписку. Просто так. На слово поверили, что с возвратом. Я спал тогда, а Артур..., он выполз из норы и дёру дал. Да не просто так, а охранника у выхода замочил и автомат его с собой прихватил. Меня и второго пацана ночью подняли и крепко избили... Артура приволокли днём. Ноги привязали к пикапу и волоком во двор, значит... Мы уже не в горах были. Сидим во дворе, там весь пол глиняный, как будто в доме, а не на улице. Каждого привязали за одну руку к столбу. В горах-то холодно, а здесь другое дело. Там деревья росли, как в саду, а нас на самый солнцепёк усадили. Наверное, думали, что мы намёрзлись. Артура метрах в пяти от нас за ноги на дерево подвесили. В тени. Он долго дёргался. Второй-то смеяться начал, а мне совсем не смешно стало. Погано на душе. Может, если бы на пару дёрнули, то смогли бы и удрать. Ты как думаешь, Паха? Я Артура подставил? Как по-твоему? – Увидев, что Коробов кивнул, обрадовался, явно истолковав ничего незначущий кивок в свою пользу. – Вот и я думаю, что не должен был он на меня обидеться. Втихую, получается, смотался. В одинокую далеко не уйдёшь. Теперь Артур это знает. Да! Старшина приходил, трубу мою приносил. Только на фига мне там этот инструмент? Духи старшину не заметили. Иначе его бы тоже привязали. А трубу, наверное, забрали себе. Сам знаешь, у них медь и бронза – самый ходо-

вой товар. Не помню, как там дальше было. Помню, что приехал за мной тот самый афганец, который здесь у нас, значит, за старшего. Артура уже с дерева давно сняли. Этот мужик долго на нас смотрел. Потом в меня пальцем ткнул и деньги хозяину отсчитал. Отслонявил. У него толстая пачка афошек была. Без слюней никак не отсчитать. Давай, Паха, я тебе воды дам? А то ты бледный какой-то, – дождавшись, когда товарищ напьётся, продолжил как ни в чём не бывало, – Здесь, в принципе, нормально. Если бы не били. Впервой, когда меня отсюда вытаскивали, я подсчитал, что нас, шурави, советских, значит, шесть человек. Все бородатые, худые. А воняет от них, как от козлов. Духи платками морды заворачивают, чтобы запах отбить. В тот день нас на реку вывезли. Она где-то недалеко. Езды минут пять. Не больше. И дорога накатанная. Мы помылись и постирались. Охранники нам даже кусок мыла один на всех дали. Наше мыло. Хозяйственное. Потом назад привезли и построили. Духов человек шесть всего. Все с калашами. Но стволы не советские. Я таких раньше не видал. С рукоятками под стволами. Подходит к нам мужик в чёрном. Всё чёрное, только чалма у него на башке белая. И борода белая. Седая, то есть. Улыбается ласково, а глаза злые. Сверлючие такие... Что-то там сказал и книгу к нам протягивает. Тоже чёрную, но с золотыми закорючками на обложке. Я хотел было взять, посмотреть, что за книга. А тут один из наших, взял, дурак, и пнул её ногой. Будто это не книга, а футбольный мяч. Спутал, видать. Его охранники схватили, одежду сорвали и ножом, чуть короче сабли, по животу. Перевернули вниз животом и трянули, чтобы кишки вывалились. Орал он громко. До сих пор во сне снится, как он на солнце корчится и орёт. А нас избивали и по ямам рассовали. С тех пор мне кажется, что вокруг меня что-то не так. Особенно, когда мне этого афганца сбросили. Тебя-то они по-человечески, на верёвке опустили. А его прям сбросили. Как мешок. Он и прожил недолго. Его первые дни часто наверх поднимали. Отму**ют, и снова сюда. Потом перестали. Только он всё равно помер. Ты спал, когда его вытаскивали. Я тебя будить не стал. Один хрен, ничем ты мне помочь не смог бы.

Умолкнув, Толик взглянул на Пашку и встревожился:

– Что-то ты совсем бледный. Как чалма у того мужика с книгой. От еды мутит что ли? Так ты два пальца в рот засунь. Блуй, не стесняйся. Я приберу.

Коробов, с трудом подавив тошноту, вызванную не послевкусием месива, а приступом ужаса, всё же решился задать вопрос:

– Ты не помнишь, когда тебя за сигаретами послали? Может, праздник какой-нибудь был?

Сосед равнодушно пожал плечами:

– Нет. Праздника никакого не было. Не выдумывай. Генсек какой-то помер. Это точно. Мы тогда долго траурный марш репетировали. Ты не знаешь, что такое этот самый «генсек»? У меня в башке что-то крутится, а остановиться не может. Я уже слышал это слово. Помнишь Гендоса? Может это он помер? Хотя вряд ли. Молодой совсем. И имя у него Гена, а не Генсек. Гендосом мы его с тобой прозвали.

Пашка, испугавшись, что товарищ снова погружается в свой фантастический мир, коротко ответил:

– Извини, Толян. Не знаю. Даже не слышал.

Лицо соседа озарила блаженная улыбка:

– «Толян»? Красиво ты меня назвал. Мне кажется, что меня в детстве так звали. Мальчишки во дворе. – Внезапно посерьёзнев, сменил тему. – Тебе поспать надо. Дня через два тебя наверх потянут. Книгу будут показывать. Ты только не вздумай пинать её. Спи, давай. А я пока имя тебе хорошее придумаю. Не нравится мне твой «Паха». Ты же не птица?

Внезапно над головами узников послышались шурушание и чей-то говор. Это охранники сдвигали в сторону тяжёлую деревянную решётку, закрывающую выход из норы. Пашка быстро взглянул на товарища и почувствовал, как тело покрылось липким потом. Ужас сдавил его сердце.

Глава 3. Мудрость вождя и судьбы узников

Синева наступающих сумерек принесла лёгкую прохладу. Солнце пока не сдало своих позиций хозяйке ночи, но тени от дувалов и фисташковых деревьев стали длиннее и чётче. В светлом, вечернем небе робко, словно испрашивая позволения, появились первые звезды. Они ещё не могут полностью забрать власть у всемогущего светила, но уже заявляют о своей готовности исполнить предначертания Всевышнего. Тихое журчание воды в недалёком арыке усиливает атмосферу покоя и душевного равновесия. Хозяин неторопливо оглядел сидящих перед ним гостей. Те почтительно молчали, всем своим видом выражая уважение и готовность выслушать мудрые речи старейшины. Аккуратно поставив пустую пиалу на ковёр и опустив глаза, мужчина заговорил неспешно, взвешивая слова и обращаясь ко всем присутствующим:

– Этот год выдался неурожайным. Падёж скота лишил нас последней надежды на удачную торговлю. Всевышний гневается на нас за наши грехи и ошибки. Я уверен, что Он простит нас, ибо сказано в Священном Писании: «Не отчаивайтесь в милости Аллаха. Воистину, Аллах прощает грехи полностью, ибо Он Прощающий, Милосердный». Нет греха на тех, кто ошибается. Грех на тех, кто считает себя безгрешным. Но, уповая на милость Всевышнего, мы и сами должны сделать всё от нас зависящее, не переставая полагаться на Него. – Немного помолчав, хозяин вновь поднял глаза на гостей и закончил речь, явно сделав над собой усилие. – Я пригласил вас, чтобы узнать ваше мнение. Как нам быть дальше? Всевышний вручил нам судьбу нашего племени, и мы обязаны исполнить Его волю.

Гости смущённо опустили глаза. Они впервые в жизни услышали от вождя, пусть и завуалированную, но всё же просьбу о помощи. Лишь один мужчина, сидящий напротив хозяина, поразмыслив несколько секунд, отозвался на его призыв:

– Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад – его Пророк! Многоуважаемый Кабир! Ваше обращение за советом – большая честь для нас. Следуя правилам ислама, я должен задать вам вопрос. Ведь человек, который боится и лжет, открывает свою душу дьяволу. Посланник Аллаха говорил, что мусульманин должен придерживаться правды, ибо ложь ведет к нечестию и в ад.

Старейшина с трудом сдержав волну гнева, заставил себя приветливо улыбнуться:

– Уважаемый Валид! Нам известны ваша учёность и приверженность к нашей вере. Я готов выслушать и ответить на любой ваш вопрос. Даже самый трудный и неприятный.

Валид не смог удержаться торжества во взгляде. Ещё бы! Ведь он единственный, кто осмелился начать разговор со старейшиной. Приняв смиренный вид, мужчина заговорил таким же размеренным тоном, каким совсем недавно вещал вождь:

– Мы всегда старались держаться в стороне от кровопролития. Благодаря вашей мудрости, многоуважаемый Кабир, центральные власти были уверены в лояльности нашего племени, а муджахедины, борцы за веру и священное дело, видели в нас союзников. Наши селения не подвергались зачисткам кяфиров, а воины уважаемого Джалалуддина не облагали нас непосильной данью. Так продолжалось до тех пор, пока вы не дали согласия на организацию тайной тюрьмы в одном из наших кишлаков. Я понимаю, вы не могли отказать моджахедам в их просьбе, но зачем было посылать наших мужчин в Калат? Их направили в самое пекло и семь человек уже никогда не вернуться к своим семьям. Пленник, которого вернувшиеся привезли с собой, сейчас наслаждается жизнью и ест наш хлеб, пребывая в безделье и праздности. Вы запретили использовать кяфиров на работах. Мне кажется, что содержание восьмерых пленников слишком обременительно для нас. Сюда же следует добавить и охрану.

Лицо старейшины исказила гримаса недовольства. Впрочем, он довольно быстро овладел своими эмоциями. Мельком оглядев присутствующих, чтобы оценить их реакцию на разглашательства Валида, хозяин заговорил тоном, которым говорят с чрезмерно пылкими юношами:

– Я не услышал вопроса в вашей высокоумной речи, уважаемый домолла! Вернее, вы сами ответили на него. Да. Я не мог отказать людям Джалалуддина в организации лагеря для пленных кяфилов. И я не мог отказать нашему другу в его личной просьбе и дал ему воинов. Семь человек погибли. Всё верно. Но погибнув, они стали шахидами. Им прощены все преступления, и они введены в райские сады, где текут ручьи. Это ли не утешение их жёнам и детям? Вы, Валид, учёный человек. Но я хочу напомнить вам, что говорит Коран о павших в бою с неверными: «Никоим образом не считай мёртвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа». Или я ошибаюсь в толковании аята? – Увидев, как забегали глаза мужчины, старейшина немного сбавил напор. – Кроме того, за охрану пленных и их содержание Джалалуддин платит нам хорошие деньги. Вполне соизмеримые с теми, которые мы могли бы заработать на продаже скота и зерна. Кстати, из этих сумм оплачивается и ваша, уважаемый Валид, учительская работа.

Видимо устав от непривычно длинной речи, Кабир откинулся на подушки и подал еле заметный сигнал. В комнату тут же вошёл опрятно одетый мальчик лет десяти, держа в руках поднос со свежесваренным чаем и сладостями. Подождав, когда ребёнок наполнит пиалы ароматным напитком и закроет за собой двери, старейшина гостеприимно развёл руки:

– Угощайтесь, дорогие гости. Поверьте, во всей провинции не найдётся мастериц, которые могут превзойти наших женщин в искусстве приготовления халвы и бичака.

Наконец, чаепитие подошло к концу. Кабиру уже давно хотелось, позабыв о традициях и этикете, изгнать посторонних и приступить к обсуждению наболевших вопросов с ближайшими советниками. Но даже он, всесильный вождь племени, не мог себе этого позволить. Дождавшись, когда последний гость поставит пиалу на ковёр, старейшина, воздав Всевышнему хвалу за трапезу, снова взглянул на учителя, возвращаясь к, казалось бы, закрытой теме:

– Вы, досточтимый Валид, интересовались, почему я запретил использовать узников «тайной» тюрьмы на полях нашего племени? – Заметив, что домолла, очевидно растратив остатки благоразумия, готов приступить к оправданиям, жестом призвал учителя к молчанию, – Отвечу так: у нас нет и никогда не было «тайных тюрем». Ибо нельзя назвать тайной сведения, которые известны вам, учителю мектеба. Среди наших людей есть те, кто готов за пару лепёшек вступить в сговор с дьяволом и сообщить о пленниках в местный отдел ХАД. И тогда рухнет без того хрупкий мир на нашей земле. Сюда придут неверные и разрушат наши святыни в поисках узников. Вы этого хотите? – увидев, как затрясся от страха мужчина, старейшина презрительно усмехнулся, – вместо того, чтобы сообщить моим помощникам о возникшей проблеме, вы решили промолчать. Поверьте, домолла, если бы я не боялся прогневать Всевышнего, то подверг бы вас наказанию, которое вы используете, наставляя детей на пути познания. Как вы думаете, сколько ударов палкой выдержат босые подошвы ваших ступней? Ступайте, Валид. И не забудьте сообщить Абдулбаки имена тех, кто не умеет управлять своим разумом. Мудрецы говорили: «Кто прикусит язык – спасет голову». Со мной останутся мои советники...

Провожая взглядом шатающегося от страха учителя и троих, уже ненужных гостей, Кабир в душе проклинал себя за сиюминутную слабость и обращение за советом к посторонним и ничтожным людям. Впрочем, понимая, что никто не осмелится упрекнуть его за очевидную оплошность, вождь, придав голосу доверительные нотки, приступил к делу:

– Вчера я имел беседу с Джалалудином. Он крайне недоволен действиями наших людей в бою у Калата и намерен пересмотреть договорённости об оплате. – Не сумев сдержать вспышку гнева в голосе, в сердцах добавил. – Этот полевой командир возомнил себя шахом! Он даже забыл, что обещал выплатить компенсацию за каждого погибшего в тройном размере! – Спыхватившись, взял себя в руки и продолжил прежним размеренно-спокойным тоном. – Мы рассчитывали на деньги, обещанные нашим другом, а теперь мы не знаем, когда поступит оче-

редной платёж за содержание и охрану узников. Помешавшийся от гордыни Валид прав, нам становится накладно содержать тюрьму. Что вы думаете по этому поводу, уважаемый Заки?

Мужчина на миг поднял глаза на старейшину. В них не было ни страха, ни подобострастия. Заки знал себе цену и поэтому позволял высказывания, которые считал справедливыми. Без недомолвок и философского словоблудия. Опустив глаза, заговорил негромко, с достоинством:

– Воистину, Аллах велик, всемогущ и всепрощающ! Он не оставит нас. Джалалудин ошибается, считая себя единственным благодетелем нашего рода. Он храбрый воин, но порою тщеславие делает его слепцом. Домулла прав ещё в одном: нам нельзя портить отношения с властями. Я располагаю достоверными сведениями, что шурави намерены направить в наш уезд конвой с бесплатным зерном и другими припасами. И ещё: наш человек в администрации провинции сообщил, что шурави разыскивают солдата, которого захватили наши воины. Они готовы обменять его либо на деньги, либо на моджахедов, находящихся в их плену. У нас есть выбор, многоуважаемый Кабир.

В глазах старейшины появился неподдельный интерес:

– Продолжайте. Мы внимательно слушаем вас. Вы сказали: «Выбор».

Заки еле заметно улыбнулся:

– Выбор очевиден. Мы можем принять помощь от неверных, сделав вид, что ничего не знаем об узниках. В этом случае нам просто надо засыпать зинданы песком вместе с людьми. Тогда никто не узнает, ни про тайную тюрьму, ни про наше участие в боевых действиях. И второе: мы можем продать пленников в Пакистан. Я знаю там людей, готовых заплатить хорошие деньги за шурави. Пакистанские рупии компенсируют нам и неурожай, и павший скот.

Советник умолк и в комнате воцарилась тишина. Вождь сидел, размышляя над словами Заки, однако его лицо было спокойным и бесстрастным. Наконец он поднял глаза и оглядел присутствующих:

– В ваших словах много разумного, – речь Кабира была привычно размеренной и неторопливой, – и не ваша вина, что мы не можем принять ваши советы полностью. Пленники – собственность Джалалудина. И только он может распоряжаться их судьбой. Даже тот кяфир, которого захватили в бою наши воины, попав в зиндан, перестал считаться нашей добычей. Так гласит закон. И мы не вправе, являясь правоверными мусульманами, нарушать его. Наш друг обычный полевой командир, но за ним стоят большие люди, обладающие властью и серьёзным влиянием. Нам нужно сохранять равновесие во имя процветания племени. Мы примем помощь неверных. И в этом нет ничего постыдного. Но мы не будем сообщать им об узниках, ибо это нарушит наши договорённости. Джалалудин передал мне просьбу почтительного доктора Бурхануддина обратиться к неверным в истинную веру. Всевышний заповедовал Мухаммеду привлекать неверных в ислам: «Скажи иудеям, христианам и неверующим из арабов: «Знамена Аллаха уже ясны, признавайте ислам!». Я знаю, что мулла уже пытался обратиться к ним, – слегка развернувшись, старейшина взглянул на крупного мужчину, сидящего справа от него, – Парвиз, вы руководите охраной, а значит вы должны знать, как обстоят дела. Мы готовы выслушать вас.

В глазах начальника охраны промелькнул испуг. Он явно не ожидал такого поворота. Стараясь скрыть смущение, заговорил чуть торопливее, чем позволяли правила этикета:

– Простите, многоуважаемый Кабир! Мне кажется, что мулла сделал неправильный выбор, пытаясь обратиться к истинной вере кяфира, чей разум помутился от страха...

Старейшина поморщился с досадой:

– Вы хотите сказать, что мы сохраним умалишённого? Не совершили ли мы ошибку, назначив вас на столь важную должность?

Окончательно растерявшийся Парвиз, попытался оправдаться:

– Мулла сказал, что узники должны принять веру без насилия...

Вождь лишь взмахнул рукой, прерывая бормотание начальника охраны и повернулся к Заки:

– Мы поручаем вам решить эту проблему. Пожелания доктора Бурхануддина для нас больше, чем просьба. Наш друг сказал, что на днях к нам приедет очень важный гость. Американец. Его будут сопровождать люди Раббани и сам Джалалудин. Я не знаю цели приезда столь высоких гостей, но уверен, что к этому времени все вопросы должны быть решены, – коротко взглянув на Парвиза, продолжил, вновь повернувшись к главному советнику. – Мулла, безусловно, прав, считая, что насилие не озарит души кяфилов светом истины. Но трудные решения принимаются гораздо быстрее, если дать людям стимул. Заки, используйте потерявшего разум узника, как стимул. По-моему, шурави называют это испытание «красным тюльпаном». Пускай другие узники воочию увидят, какие мучения ждут неверных в аду. У вас есть два дня чтобы привести пленников в надлежащий вид. И два дня для оказания помощи священнослужителю. В эти четыре дня не стоит жалеть для них воды и пищи. Нам нужно показать товар лицом. Давайте закончим на этом и посвятим остаток дарованного нам дня молитвам и заботам о наших близких.

Словно поддерживая хозяина, издалека донёсся протяжный и немного жалобный напев муэдзина, призывающего правоверных на предвечернюю молитву.

Глава 4. Некоторое время назад...

Комбриг только что вернулся с заставы, откуда руководил сопровождением колонн. И хотя на этот раз проводка прошла без особых приключений, полковник чувствовал себя уставшим, злым и разочарованным в жизни. «Заслушаю загов и в баню. – Мысль о предстоящей парилке немного улучшила настроение. – Сегодня можно и грамм триста на грудь принять. Заслужил. Никого даже не обматерил по-человечески. Не за что было. Всё как по маслу прошло. Можно и четыреста накатить, но не больше. Расслаблюсь – хрен остановлюсь. А завтра надо свежую голову иметь. Впрочем, её завсегда надо «свежей» держать. Сейчас бы на ком-нибудь не сорваться. Видать, старею. Нервы ни к чёрту!». Постаравшись придать лицу спокойное выражение, задал свой «коронный» вопрос:

– Ну, как там у нас? Всё по плану?

Подчинённые с облегчением вздохнули про себя: «Пронесло!».

Комбриг еле заметно усмехнулся и взглянул на начальника штаба:

– Что у тебя? Мы за потери отчитались?

Подполковник кивнул:

– Так точно. Начштаба армии пожурил за то, что тело сержанта не отыскали, но шибко не наезжал. Дал ещё сутки на установление обстоятельств и добавил, чтобы с формальностями не затягивали.

Командир хотел сделать пометку в рабочей тетради, но заметив замешательство в глазах начальника политотдела, спросил, еле сдерживая вновь закипающее раздражение:

– Что-то не так?

Политработник опустил глаза:

– Член Военного Совета крайне недоволен нынешней ситуацией. Его позиция неизменна – в войсках контингента не должно быть без вести пропавших. Вопрос поставлен конкретно: либо тело погибшего, либо место его нахождения в плену. Нужна точная информация, а не обтекаемые формулировки. – Увидев, как потемнели от гнева глаза комбрига, чуть виновато пояснил. – Это слова чэвээса. Я лишь озвучил. Такие дела, Владимир Павлович...

– Ты лично с ним разговаривал? Или с каким-нибудь капитаном в ранге подпелы-помощника?

– Зачем вы так? Лично. Генерал был сдержан. Но если судить по тону...

Лицо комбрига покраснело:

– Хватит! Мы здесь не для того, чтобы под тон начальства подстраиваться! – Переведя тяжёлый взгляд на начальника штаба, заговорил, даже не пытаясь скрыть негодования. – Что? Опять твой начальник разведки в ж*пе ковыряется? Я поставил чёткую и ясную задачу. Особистов сказал привлечь. Советников подключить. Почему до сих пор нет полной картины? В словоблудии упражняемся? «Обтекаемые» формулировочки изобретаем? Говоришь, армия ещё сутки дала? Короче, у тебя есть двенадцать часов на разгильдяйство. Утром жду от твоих разведчиков внятный доклад.

Выплеснув эмоции, полковник успокоился и, словно извиняясь за несдержанность, спросил уже более-менее спокойным голосом:

– Что известно об этом сержанте?

Подполковник, тяжело вздохнул. Именно сейчас он увидел свои недоработки:

– Я просмотрел личное дело, но до автобиографии пока руки не дошли.

– Класс! – Комбриг театрально развёл руками, будто апеллируя к присутствующим. – Человек без вести пропал, а мы даже не удосужились его личное дело изучить? Ничего себе, работнички!

На помощь окончательно смешавшемуся сослуживцу поспешил начальник политотдела:

– Мне сегодня передали служебную характеристику на сержанта. Отличник, комсомолец, пользуется авторитетом в коллективе и всё такое... Способный младший командир.

Полковник поднялся из-за стола и пропустив мимо ушей реплику политработника, впери свой взгляд в начальника штаба:

– Короче, пусть твой кадровик хоть из штанов выпрыгивает, но дозвонится до военкомата. Разузнает, что да как. Разведке своей грёбанной хвоста накрути. Как положено, а не как попало. И ещё: если особисты заартачатся и будут, как обычно, щёки надувать – сразу ко мне. Разберусь. Всем всё ясно? Выполняйте.

Начальник разведки и сам не знал, каким ветром его занесло к особистам. Быть может, сказался восьмилетний опыт пребывания в должности. А может, просто совпало. Бывают же в жизни удачные совпадения? С год назад он познакомился с капитаном-особистом у трапа самолёта, вылетающего в Ташкент. А затем, узнал, что попали служить в одну бригаду. Впрочем, служил только майор. Капитан – «обслуживал». Что ж? У каждого ведомства своя терминология. Как бы там ни было, именно в те минуты, когда его на совещании за глаза нещадно костерил комбриг, майор сидел напротив оперуполномоченного и с удовольствием попивал крепко заваренный чай вприкуску с военторговскими сухарями. Наконец, довольно возрастной капитан-особист, отставив пустую кружку, спросил, придав голосу карикатурно-подозрительные нотки:

– Ну, ты это, Иваныч! Говори, зачем припёрся на ночь глядя? Не чаи же гонять в самом деле?

Майор с кислым выражением лица протёр лоб салфеткой и осторожно перешёл к делу:

– Понимаешь, Григорыч? Тут такое дело..., – здесь он замолчал, подбирая слова для вступления.

– Да говори уже! Не хрен кота за причиндалы тянуть. Помощь какая нужна или ещё чего?

Разведчик сокрушённо вздохнул:

– Да я про «потеряшку» нашего. Сержанта из пехоты, что под Калатом пропал. Чую, что спросят скоро. Что да как. Начальник штаба сказал, что комбриг всерьёз озаботился. Понимаешь? Я сам с разведзводом всю местность на брюхе исползал. Как молодой летёха. Ни следов, ни зацепки какой. Как в воду канул. Сапёры даже собаку предлагали. Да что в ней проку? Там ведь одна гарь. Как пёс след возьмёт, если ему даже понюхать нечего? Отказались мы. Я пехоту-то пораспрашивал... можно сказать, даже с пристрастием. Без толку. Все в один голос твердят, что бежал парень к командирской машине, вроде бы на помощь. Затем взрыв. И всё.

Как корова языком слизала. Бой был не шуточный. Басмачи на уцелевшие броники наседали. Разве уследишь, что там за дела, если чуть ли не цепью прут? Все говорят, что не мог сержант добровольно в плен сдаться. Характер, мол, не тот. Но, получается, если бы он от взрыва погиб, то мы хотя бы ошмётки нашли. Извиняюсь. Останки, конечно. Тела ротного, наводчика и водилы нашли сразу. А сержанта – нет. Даже и не знаю, как быть? Командир сказал вас к поискам подключить. Дескать, агентурных возможностей у вас предостаточно.

Капитан ненадолго задумался. Не то чтобы он проигнорировал распоряжение своего начальника. Об этом и заикаться не стоит. Не принято в отделе так. Особенно, когда решается вопрос о представлении к ордену. Просто отнёсся к заданию несколько, так сказать, формально. Ну, переговорил накоротке с советником из своего ведомства, да пообщался с местными хадовцами. Опытный сотрудник, он по глазам видел, что врут его афганские коллеги, утверждая, что сержант-пехотинец погиб, а мятежники, следуя традициям, предали тело земле. Да и нестыкочек в их рассказах было немало. С какого перепоя им возиться с трупом шурави, если идёт бой? Обкурились, что ли? Но в том-то и дело, что «глаза», как и подозрения, к делу не подошьёшь. А вот их рапорта к отчёту пришлось как нельзя кстати. Они хоть и не по-русски написаны, зато довольно объёмные и с фотографией какой-никакой, но могилы. А кто там будет время тратить на перевод? Кому это надо? Тем более что бумаги написаны и не раз переписаны под его диктовку. Ну, это чтобы наверняка. В общем, всё оформлено как надо. Чин-чинарём. Не подкопаешься. Закончив с раздумьями, особист снисходительно взглянул на гостя:

– Не переживай, Иваныч! Тебе повезло, что этим делом я лично занимался. Не буду скромничать. Пришлось попотеть. Вся агентуру на уши поставил. А это совсем не просто. Сложно это. Короче, погиб ваш бедолага. Информация стопроцентная. Мои агенты даже место захоронения показать могут. Не сейчас, конечно. Этот участок зелёнки пока под духовским контролем. Не сунешься. Вот будет операция в том районе, тогда и покажут. И эксгумацию как положено можно будет провести. Чтобы тело родственникам отправить. Нельзя наших ребят в чужой земле оставлять. Не по-советски это. Не по-людски, значит.

Взгляд начальника разведки потеплел. Всё ещё не веря в удачу, майор с надеждой в голосе спросил хозяина:

– А я могу на тебя сослаться, Григорьич? Если что?

Капитан лишь хмыкнул:

– А зачем ссылаться? Начальство завтра мой рапорт подпишет, и я лично заверенную копию тебе и занесу. Так что, с тебя пузырик, товарищ майор. А как же? Ничего без нас сделать не можете.

– Спасибо, Григорьич.

– Иди давай! Поздно уже...

Телефон районного военкомата задребезжал именно в тот момент, когда майор Осипов и капитан Купчин, засидевшиеся допоздна в кабинете якобы из-за неотложных дел, показались в поле зрения дежурного. Тот даже хотел отшить запоздавшего челобитчика, дескать, рабочее время закончилось ещё два часа назад, но услышав, из каких краев исходит неурочный звонок, коротко бормотнул: «Одну минутку» и, зажав ладонью микрофон, приник к окошку:

– Товарищ майор! Из Афгана звонят. Про какого-то призывника спрашивают.

Иван Фёдорович даже икнул от досады и выпитого спиртного. Серdito взглянув на товарища, недовольно пробурчал:

– Говорил же тебе, Серёга, что не надо вторую открывать? Всё из-за тебя!

Капитан беспечно улыбнулся:

– Да подожду я тебя... Фёдорыч! Один хрен завтра выходной. Всё равно ко мне ехать. Жена с детьми на пару дней к теще уехала. Гуляем!

Прикурив сигарету, Купчин оперся локтем на подоконник, готовясь к продолжительному ожиданию. Однако уже через десять секунд мертвенно бледный и абсолютно трезвый майор протянул ему трубку и через силу прошептал:

– На, Серёга! Твои дела, сам и разбирайся. Пошёл я...

Капитан, проводив старшего товарища недоумённым взглядом, поднёс трубку к уху:

– Капитан Купчин. Слушаю вас.

На том конце провода раздался треск. Сергей уже хотел завершить не начавшийся разговор, но треск вдруг прекратился и в наушнике раздался на удивление чёткий голос:

– Добрый вечер! Вас беспокоит начальник отдела кадров мотострелковой бригады майор Гнатюк. Мне нужно уточнить информацию на вашего призывника Коробова Павла Юрьевича. Извини капитан, не знаю, который в Свердловске час, но сам понимаешь, начальство требует...

Серёга внезапно почувствовал, как задрожали пальцы, а по спине заструился холодный пот. Стараясь не выдать волнения и выиграть время, капитан, отодвинувшись как можно дальше от окошка дежурной комнаты, спросил наиграно-бодрым голосом:

– Что? Натворил бродяга делов? Какие тебе сведения нужны? – почувствовав, что уже справился с первоначальным шоком, Купчин решил перейти в атаку, – у тебя, майор, «начальство», а нам в таких случаях запрос на бумаге нужен.

Собеседник отозвался сразу. Как будто был готов к такому повороту:

– Нет. Не натворил. Погиб сержант в бою. Сегодня уже точно установлено. Ты мне скажи капитан, кто у него родители? В анкете он указал, что из служащих. Я и сам не знаю, зачем это комбригу надо, но приказ есть приказ. Или тебе время нужно, чтобы документы поднять? У нас со связью с Союзом не очень. Сам не ожидал, что получится дозвониться...

Никогда не болевший ничем серьёзным капитан вдруг почувствовал, как боль тупой иглой вошла в его сердце. С трудом удержавшись на ногах, Серёга всё же нашёл силы для ответа:

– Нет, майор. Времени мне не нужно. Я его хорошо помню. Написал, что родители из служащих? – Взяв паузу на обдумывание, всё же поддался слабости и соврал. – Так и есть. Из «простых» они. – Сам не зная для чего, добавил внезапно севшим голосом. – Отец мой... месяц назад помер.

Капитан Купчин сидел за столом, на котором стояли бутылка водки, нехитрая закуска и фотография отца в траурной рамке. Наполнив стакан до краев, Серёга поднял глаза на портрет:

– Получается батя, что отомстил я за тебя блавному сынку. Убили его таки в Афгане! Вроде, по справедливости, а на сердце и в душе пустота. Чёрная такая дыра-дырища! Как мне теперь с этим жить-то? Посоветуй, батя... Что же это за «справедливость» такая, если мне от неё волком выть хочется? Выпьём, батя? Помянем парнишку? Как ни крути, а я грех на душу принял... Или не прав я, батя? Сделал всё по-честному? Ведь сбил он тебя тогда своей грёбаной машиной. Покалечил. А теперь его самого нет. Погиб пацан. Кто нас рассудит?

Ты чего молчишь, батя?

Глава 5. Два дня слепой надежды

Сверху раздался тяжёлый шорох и на головы узников посыпался мелкий песок. Это охранники сдвигали в сторону массивную деревянную решётку, закрывающую выход из колодца-тюрьмы. Пашка, всё ещё находясь под впечатлением рассказа соседа, взглянул на товарища, рассчитывая услышать слова поддержки, но, увидев горящие безумием и злорадством глаза, почувствовал, как тело покрылось липким потом. Ужас сдавил его сердце. Перед ним сидел уже не добродушный, слегка тронувшийся умом Толик, а человек, открыто наслаждающийся предчувствием нечеловеческих испытаний, ожидающих Коробова:

– Вот и пришёл тебе полный п***ц, Паха! Ты думал, что они будут ждать, когда я тебе красивое имя придумаю? Хрен там! Не дождались. Знаешь, как они меня били, прежде чем Махмудом назвали? Я потом трое суток кровью в штаны сс*л! Твоя очередь. Щас они верёвку сбросят, а я помогу тебе привязаться. Главное, чтобы узел на животе был. Можно ладонь под петлю засунуть. Не так давить будет. Не бойся, ладонь не отсохнет. Вставай, Паха. Не х*р дурака валять!

Невольно повинувшись жестким словам Анатолия, Пашка опёрся на руки в надежде почувствовать приступ боли. Нелепая мысль промелькнула в голове: «Может, сказать им, что я заболел и у меня есть освобождение от занятий? Как тогда Стасик в учебке?», однако тело послушно оторвалось от песка, а перед глазами замелькали забытые лица и имена родителей, Стасика, других сослуживцев и командира роты капитана Грекова. «Стасик и Греков! Ну конечно, Греков! Как я мог забыть? – Коробов, не чувствуя боли, согнул колени и опёрся спиной на стенку колодца. – Я бежал к его бронику, когда раздался взрыв. Почему я вспомнил именно сейчас? Почему я не чувствую боли? Зачем мне всё это?». Непомерно длинная мысль прошла сквозь сознание за сотую долю секунды, и Пашка даже не успел осознать своё состояние, как недолгую тишину снова разорвало негромкое бормотанье Толика:

– Ты тока калачиком свернись, когда ногами бить будут и яйца руками прикрой. Я-то не сразу догадался, поэтому и сс*л кровью. Почки ещё беречь надо. Но это как получится. Ещё повезёт, если плётки у них не будет. Очень больно. Хрен заснёшь потом. Всё тело жётся. Хадовец, тот, который до тебя был, меня своей мочой обтирал. Он ещё соображал чего-то. Мне и полегчало. А без его ссак я бы точно от боли свихнулся.

Пашка почти с ненавистью взглянул на сокамерника. Картина предстоящего, нарисованная соседом, вызывала страх, отвращение и бессилие. Он хотел окриком оборвать выматывающую душу болтовню сидящего уже с равнодушным видом парня, но в этот момент на дно зиндана упал моток капронового шнура, и приглушённый голос невидимого снизу охранника достиг ушей пленных:

– Эй, шурави! Хватай, мы твой тащить будем!

Толик с готовностью поднял конец троса и протянул Коробову:

– Два раза обмотайся. Надёжней будет. Если хочешь, завяжи вокруг шеи. Тыщу раз помереть успеешь, пока они тащить будут. Говорят, не так больно умирать...

Пашка непроизвольно убрал руки за спину и снова увидел на лице соседа злорадную улыбку. Впрочем, тот смог лишь приоткрыть рот для новой реплики, как сверху раздалось:

– Эй, Махмуд! Твой хватай. Тебя тащить нада...

К удивлению Коробова, Толик послушно кивнул и вполне осмысленно взглянул на него:

– Слышь, Паха! Помоги обернуться. У меня чего-то руки сильно затряслися. – Улыбнувшись своей разумно-тихой улыбкой, попросил. – Ты, эта, Паха, пока меня там пинать будут, приberi в доме. И место мне подготовь. Песочек пригладь, чтобы камушков не было. На них лежать неудобно будет. Когда вернусь, мне не до порядка будет. И водички оставь. Утром мне она очень нужна будет, а они, сам знаешь, могут и не дать.

От слов внезапно обретшего разум Толика Пашка почувствовал, как защипало в глазах и в горле образовался ком. Даже не пытаясь вспомнить подходящие слова утешения, он смог лишь сипло выдавить из себя:

– Хорошо, Толян. Всё сделаю как ты сказал...

Товарищ подёргал узел, проверяя его надёжность, и, слегка кивнув сокамернику, крикнул, задрвав голову кверху:

– Готово. Поехали!

Пашка без сил опустился на песок. Он, стиснув зубы, наблюдал за исчезающими в темноте истёртыми подошвами соседа и чувствовал, как тело снова наполняется болью. «Зачем вы так-то? – мысленно спрашивал Коробов у неведомых ему охранников, – он же блажен-

ный? Вы ведь наверняка знаете об этом. На хрена он вам сдался?». Мысль о том, что вместо бедолаги Толика сейчас могли поднимать в неведомое его самого, как-то не приходила в голову. Боль усиливалась, но Пашка решил, что если он не исполнит, по сути, последнее желание товарища, то никогда не сможет себя простить. Если останется живым в этом проклятом мире. С трудом встав на четвереньки, он, скрипя зубами, добрался до лежанки Толика и стал наощупь выбирать камушки и кусочки глины. «Ты только вернись живым, братишка, – шептал вслух Пашка, пребывая в незнакомом ранее состоянии, – это ничего, что у тебя с башкой не всё в порядке. Я тебя выхожу. Ты же, получается, выходил меня? А значит и я смогу. У меня ведь с головой всё нормально. Что-нибудь придумаю. Даже если тебя снова плетью отстегают. Будь уверен... мочи у меня хватит. Не зря же ты меня отпаивал?». Коробов вдруг подумал, что сам близок к безумию, но даже не успел испугаться как следует. На пол рядом с ним мягко шлёпнулся моток каната. «Моя очередь? – подумал Пашка, беря в руки капроновый шнур, – этот потолще, чем тот, на котором поднимали Толяна. Впрочем, если перекинуть через шею и обвязать вокруг пояса, то наверняка придушит. Ну, что Павел Юрьевич, поехали? Тебе решать. Больше некому». Внезапно канат словно ожил в безвольных руках Коробова. Парень даже отбросил его в сторону и инстинктивно поднял голову. Сверху, колыхаясь и раскачиваясь из стороны в сторону спускался человек. Пашка сразу понял, что это не Анатолий. «Во-первых, слишком быстро, – думал он, не отводя глаз от приближающегося тела, – во-вторых, на руках спускается. Сам. Значит, вполне здоров. Наверное, охранники подумали, что я не смогу обвязаться верёвкой? Или решили меня здесь прибить? Зачем? Надо претвориться спящим. Или без сознания. Потом разберусь. Он один. Ещё посмотрим, кто кого». Приняв решение, Коробов осторожно, чтобы не вызвать очередной приступ боли, опустился на место соседа и прикрыл глаза, не прекращая наблюдать за человеком. Уже через секунду неизвестный спрыгнул на пол и осмотревшись, легонько подтолкнул Пашку ногой:

– Ты живой, земля? Чего гостя не встречаешь?

«Он – русский!» – Пашка открыл глаза и, убедившись в своей правоте, задал единственно возможный в такой ситуации вопрос:

– Ты кто?

Человек широко улыбнулся, обнажив шербатый рот:

– Я? – Казалось, что вопрос доставил ему искреннее удовольствие. – Я – Павел. Пашка, значит. А тебя как зовут?

– Меня зовут..., – Коробов задумался на секунду и ответил, повторяясь – меня зовут Паха.

– Ни хрена себе! Так мы, получается, тёзки? Или у тебя просто кликуха такая?

– Тёзки. И кликуха такая. – Пашка снова опёрся спиной на стену, стараясь не обращать внимания на боль и не выказывать слабости. – Ты как сюда попал? Ты случайно не знаешь, что там с Толиком? Мы думали, что меня на допрос потащат, а вытащили зачем-то Толяна.

Коробов вдруг подумал, что задал слишком много вопросов, и замолчал, не оставляя попыток получше рассмотреть нового сокамерника. Он сразу заметил, что тёзка абсолютно не похож на Толика. Павел был гораздо выше среднего роста, крепок и быстр в движениях. А небольшая борода и волосы до плеч были хоть и немыты, но аккуратно расчёсаны. Даже выгоревшая на солнце форма сидела на нём, что называется, ладно. На ней не было ни дыр, ни порывов, ни заплат. Пашка снова вздохнул и невольно посмотрел на свои грязные колени, торчащие из огромных прорех. «Он явно не срочник, – думал Коробов, наблюдая, как новичок обустроивается на его бывшем месте, – и по возрасту не подходит..., и ещё хрен знает почему. Спросить, что ли? Неудобно. Повернётся, посмотрю на погоны. Даже если звёздочки содраны, то следы должны остаться».

Между тем, Павел, завершив одному ему понятные приготовления, скинул с плеч новый армейский вещмешок. Заметив озадаченный взгляд Коробова, с готовностью пояснил:

– Охранники бакшишнули. Сам не знаю с какого перепоя. Понимаешь, – продолжил он, неспеша развязывая шнурок горловины холщовой сумки, – с самого утра сюрприз за сюрпризом. Сначала дали мне сигарет. Наших. Полпачки. Никогда такого не было, а тут... Потом сказали готовиться к переезду. Дескать, место освободить надо. Меня-то не в яме вонючей держали, а в комнатухе. Тесновато, конечно, зато окошко было и топчан с матрасом...

Пашка почувствовал раздражение. Он не хотел начинать знакомство с препирательств, но ему показалось, что тёзка умышленно уклоняется от ответов на важные для него вопросы. Чтобы развернуть разговор в нужное русло, решил перебить и огорошить рассказчика неожиданным вопросом:

– Ты, извините, вы – офицер? Что-то я звёзд ваших не вижу.

Тёзка нимало не смутился. Просто отрицательно мотнул головой:

– Неа. Я прапорщик. «Знаменосец», как бы. Складом горючки заведовал. Гэсээмом, то есть. На том и влип... – спохватившись, словно сболтнул лишнего, коротко взглянул на сокамерника, – не перебивай, Паха! Я тебе всё по порядку расскажу и по полочкам разложу. Ладно? – Вполне удовлетворившись пашкиным кивком, продолжил как ни в чём не бывало. – Тут разве поспоришь? Надо, так надо. Вывели, значит, во двор, а там твой дружок. Стоит, качается, будто от ветра и улыбается, как дебил. Счастливый такой! Я сразу понял, что крыша у пацана поехала. Но и это ещё не всё! – Павел наконец справился с узлом и повернул горловину к товарищу, – гляди, Паха! Тут и лепёшки, и сыр, на таджикский курут похожий, овощи с фруктами, и мясо сушёное. Ни хрена себе! Третий месяц здесь кантуюсь, а такое со мной, честное слово, впервые. Всё время похлёбку пустую и хлеб давали. Ну, изредка овощи подпорченные. Без соли. А здесь даже соль есть. Чудеса! Давай поедим, дружище? К вопросам потом вернёмся.

Пашке не было видно содержимое мешка, но почувствовав запах съестного, он понял, насколько сильно проголодался. Ещё секунду назад абсолютно сухой рот вдруг наполнился слюной. По-своему истолковав молчание товарища, Павел снял с себя куртку и аккуратно растелил её на полу:

– А вот и скатерть-самобранка. Сейчас поделим и вперёд! Не дрейфь, Паха. Я по-честному. Не обделю. Тебе, правда, с голодухи много жрать нельзя. Кишки завернутся. Помереть можешь. Но ты уж сам как-то контролируй процесс. Здесь я тебе не советчик.

Наверное, сработал инстинкт самосохранения. А может, что-то ещё. Как бы там ни было, но съев лепёшку с куском сыра и положив в рот тонкий ломтик сушёного мяса, Пашка, буркнув «спасибо», передвинулся на своё место. Тёзка одобритительно кивнул:

– Видать, силой воли ты не обижен. – Положив на кусок хлеба смоченный в воде сыр, неожиданно поменял тему. – Слушай, Паха, просьба у меня к тебе есть.

– Говори.

– Понимаешь, братан, меня и в полку, и в школе прапорщиков все «Таджиком» звали. А что? Всё сходится. Фамилия у меня Персигов. Значит, сокращённо будет Перс. А родился я в Таджикистане. В Ленинабаде. Родителей туда ещё детьми эвакуировали, там они и остались. Поэтому язык знаю. Матушка заставляла. Дескать, твои одноклассники, которые из местных, на двух языках говорят, а ты чем хуже? Вот и научился.

Пашке стало интересно. Повернув голову к товарищу, спросил:

– И что? Не пойму, в чём твоя просьба? Какая тут связь между персиками и Ленинабадом?

Сосед наклонился и продолжил вполголоса:

– Прямая, Паха, связь! Мой земляк, тот, который меня на эту бл**кую аферу с солярой подбил..., меня при них Таджиком звал.

– И что?

– Не тупи, братан! Выходит, что они меня за таджика и держат. Потому и не в яме сидел, а в камерке. Отдельно от остальных. Да и не били ни разу. А зуб выбили, когда в плен брали. И пригляд за мной не особый. Даже хезать ходил без охраны.

Коробов приподнялся и опёрся на локоть:

– Мне парни говорили, что пуштуны на своём языке говорят. Забыл на каком, но от персидского отличается.

Павел кивнул, соглашаясь:

– Всё верно. Я их плохо понимаю. Отдельные слова только. А они меня понимают и отвечают на таджикском. Не совсем так, как наши таджики, и не все. Но большинство. Даже на вопросы отвечают без всякой хрени. Под настроение, конечно. Но я уже знаю, кого можно спрашивать, а кого бесполезно.

– Так в чём твоя просьба-то?

– Ты меня тоже зови Таджиком. Ладно? Тебе не в наклад, а нам обоим, глядишь, и выгода какая-никакая. Так, что?

– Хорошо. Таджик, так Таджик. – Пашка снова опёрся спиной на стену. Ему и в самом деле стал интересен разговор с тёзкой. – Как ты думаешь, почему они так на еду расщедрились? Мне Толик говорил, что даже воды не каждый день давали.

Сосед, уже начавший складывать остатки трапезы в мешок, снова наклонился к Коробову:

– Так вот и я о том же. С какого перепугу? Я тебе больше скажу: нас завтра на речку мыться повезут. Я не спрашивал. Мне Мамун сам сказал. Мы с ним вроде как дружбаны.

Пашка почувствовал, как заколотилось сердце. Он даже руку приложил к груди, чтобы унять сердцебиение:

– Не врешь?

Павел-Таджик изобразил обиду:

– С какого хрена? Не в том мы положении, чтобы друг дружке втирать. Отвечаю.

– Толик говорил, что их тоже возили на реку. А затем предложили ислам принять. На Коране. Потом одному нашему кишки выпустили.

Сосед равнодушно кивнул:

– Я всё видел. М**к он. Твой «наш». Не х*р было книгу пинать. Вот и поплатился сполна.

– А тебе не предлагали?

Таджик усмехнулся:

– Сдаётся мне, что они меня за самого настоящего мусульмана держат...

– Мусульманина.

– Чего?

– Правильно будет «мусульманин», а не «мусульман».

Сосед отозвался не сразу. Уложив вещмешок с едой у своего «изголовья», втащил из нарукавного кармана сигарету:

– Будешь? Не куришь? Ну и хорошо. Мне больше достанется. – С наслаждением выпустив струйку дыма, прокомментировал. – Блин! Отвык от курева. Сразу в башку вставило. – Ещё раз затянувшись, вернулся к теме, – они, походу, меня и впрямь за мусульмана держат. Только странно, что ни разу к намазу не позвали. С одной стороны хорошо. Я ведь не знаю, как у них принято молиться. И что бормотать надо. Сразу бы раскусили. А с другой... получается очень подозрительно. Даже думать не хочется.

– А бежать не пробовал? Ты ведь говорил, что без охраны ходишь?

Таджик, выкурив половину сигареты, аккуратно затушил и положил окурочек рядом с вещмешком. Подняв на Пашку насмешливые глаза, спросил, как больного на голову:

– Видать, крепко тебя шибануло, паренёк! Куда бежать-то? В какую сторону? Две дороги всего. Одна к реке, другая в кишлак. А вокруг пески до самых гор. Один хрен отловят. И тогда

уже точно кишки в песок вытряхнут. Как у того пацана-«футболиста». – Подумав, придвинулся к Пашке и зашептал. – Я вот что думаю, Паха. Они нас или на обмен готовят, или на передачу.

– Это как? Разъясни.

– Не понимаешь? Если на обмен, значит наши подсуетились. Или твои, или мои. На деньги, или на пленных полевых командиров меняться будут. Простые боевики наших хозяев не интересуют. Я уверен. Для них народ, что пыль. Или песок. Во втором варианте сюда должны приехать иностранные журналисты. Чтобы на камеру жест доброй воли снимать. И в этом случае духи бабло своё однозначно получают. По х*р им этот «жест», если долларов не будет.

Пашка невольно сглотнул. Ему снова стало не по себе:

– Что это значит?

Таджик усмехнулся щербатым ртом:

– Это значит, земля, что мы с тобой запросто в каком-нибудь Пакистане можем очутиться. Как два пальца об асфальт...

Пашка лежал на спине, глядел в ночное небо сквозь решётку и думал о своём новом товарище по несчастью. Он не мог понять причину своего беспокойства, и это непонимание вызывало раздражение и досаду на самого себя. Мысли были непоследовательны, и ему порой казалось, что в его голове живут даже не два, а несколько человек, и каждый из них считает свою тему самой важной. Отчаявшись навести хоть какой-то порядок, Пашка в конце концов махнул рукой и отпустил тяжкие раздумья в свободное плавание. Ведь по большому счёту он просто хотел уснуть и проснуться в своей казарме. А ещё лучше дома. «Прапорщик влип из-за жадности. Соляру хотел духам толкнуть. Разве он не знал, что продаёт горючку именно духам? Откуда у крестьян деньги на целый бензовоз? Как можно ему доверять, если он за афошки готов родину продать? Почему я должен ему доверять? Для чего? Интересно, помирилась ли мама с отцом? Блин! Я же письмо забыл отправить впопыхах! Так и лежит, наверное, в ящике. А фамилия ротного Греков. Это точно. Просто у меня в голове путаница... Он мне ещё говорил, что главное – это быть здесь и сейчас. Что он хотел этим сказать? Не помню. Но что-то очень важное. Я ведь тогда с ним согласился. А Таджик даже не пробовал бежать. Живёт себе и живёт. Похоже, что всем доволен. Зачем он так про Толика? Дебилем назвал. Пацан в плен по глупости попал, а ты по жадности. Лёгкие деньги решил срубить. Плевать ты хотел на жизни пацанов... да и на мою тоже... Верочка так и не ответила на мои письма. Жаль. Почему? Не ответила и не ответила. Пусть живёт в своей Москве... Таджик сказал, что нас обменять собираются. Не факт, но хоть какая-то надежда. Ему видней. Таджик в яме не сидел и от жажды не подыхал, как Толян. Аннушка наверняка волнуется, переживает. Ладно. Вернусь, успокою. Она поймёт. Интересно, а что напишут отцу? Меня же не нашли, а взводный говорил, что своих не бросают. Даже мёртвых. Взводный? Точно! Спиридоныч. Смешное отчество. Как кличка... Меня искали. Не могли не искать. Вот и узнали, что я здесь. Значит, договорились об обмене. Когда? Сколько ещё ждать? Ладно, потерплю. А если нет? Что делать, если Таджик ошибся? Бежать? Я ещё слишком слаб. – Пашка вдруг заметил, что лежит, закинув руки за голову и не чувствует боли. Он даже улыбнулся в темноте. – Надо же? Думал, что вообще разогнуться не смогу. О чём это я? Да, побег. Надо сначала понять, что охрана затеяла. Если действительно обмен, то побег отпадает сам собою. А если нас в Пакистан продадут? Наверное, это тоже не самый хреновый вариант. По крайней мере, я покрепче стану. Пока сторгуются или договорятся. Да и в дороге наверняка побольше возможностей. Кстати, Греков говорил, что надо себя самого проверять, чего ты стоишь на самом деле. Здесь и сейчас. Или я снова перепутал? Блин! Мысли совсем не слушаются. Хрен с ними. Таджик сказал, что нас завтра на речку повезут. «Таджик» очень длинная кличка. Буду называть его «Тадж». Ему понравится. Импортно звучит... Это хорошо, а то я уже не чувствую, как от меня воняет. Принюхался, видать. А тёзка

молодец. Даже носом не повёл. Тактичный, твою мать... Тогда зачем он Толяна «дебилом» назвал? В любом случае, Тадж мне в бегах не напарник. А я, что, уже решил бежать? Завтра на речке с пацанами познакомлюсь. Может кого и выберу. Договоримся. Поговорим, вернее. Часа два у нас наверняка будет. И помыться надо, и тряпки постирать. А вдруг никто не согласится? Ну, тупо струсят? Тадж наверняка в штаны наложит. А может, ещё и настучит своему другу Махмуду. Или Маджуду? Хрен с ним. Всё равно не вспомню. Нет. С ним надо быть поосторожнее. Вот бы Толяна с собой забрать! До части какой-нибудь доберёмся. А в Союзе ему башку быстро отремонтируют. Отца попрошу пацана в цековскую клинику положить. Там его и подлечат...». Пашка хотел продолжить размышления, но в этот момент к нему подошла Верочка и ласково улыбувшись, заговорила голосом Таджики:

– Просыпайся, Паха! Душары нам завтрак спустили.

Коробов открыл глаза и увидел склонившегося над ним тёзку. Пленники встретились взглядами. Прапорщик вдруг смутился и отпрянул, неловко оправдываясь:

– Ну и взгляд у тебя, братишка! Как сквозь прицел...

Коробов придвинулся к стене и неожиданно для себя спросил:

– Слушай, Тадж! А если бы тебе предложили принять ислам, ты бы согласился?

– «Тадж»? Хорошая кликуха. Как у индейца...

– Скорее, как у индуса.

– Без разницы. – Павел задумался всего на пару секунд, а затем равнодушно и несвязно ответил. – Мне по барабану. Я в партию заявление написал. Прямо за день до залёта. Кандидатом хотел вступить... Конечно, соглашусь. Жить-то хочется. Да и по жизни я, этот, как его? Анархист, вроде.

– Атеист?

– Во-во. Охрана нам плов спустила, – Таджики уже выкинул из памяти нелепый пашкин вопрос и вернулся к реальности, – правда, без мяса. Мясо-то они наверняка сами слопали. У них кормёжка так себе. Ну и хрен с ним. Барашком пахнет и ладно. Давай быстрее. Мамун сказал, что через пятнадцать минут на речку повезут. Ты часы свои заводишь или как?

– Какие часы? – Пашка от удивления даже рот открыл.

– Чудак! У тебя на руке висят. Я хотел только глянуть, а ты так на меня зыркнул, будто я их свиснуть хотел. Хорошо, что котлы старые. Были бы новыми, охранники сразу бы забрали. Впрочем, у них у всех электронные.

Коробов взглянул на запястье и увидел дедовскую «Победу»:

– Блин! А я про них забыл совсем. Даже не чувствовал. Сейчас заведу. Может пойдут?

– Обязаны! Я потом у охраны время уточню, тогда и твои настроим. Ешь, давай. Я поровну поделил. Себе чуток побольше. Тебе ещё много есть нельзя. Вчерашнюю еду я про запас оставил. Там нечему портиться. С помывки вернёмся, тогда и поедим. Лады?

– Ага.

Сверху рухнул конец каната. Чей-то голос, отражаясь от стен, достиг слуха пленников:

– Эй, шурави! Давай...

Таджик, взявшись за канат, вдруг повернул голову к Пашке:

– Я у тебя крестик заметил. Ты его эта, здесь прикопай, пока я наверх полезу. Не надо им показывать.

Яркое солнце на время ослепило Пашку. Он было хотел вздохнуть побольше свежего воздуха, но несильный удар в спину едва не сбил дыхание. Непонятого возраста охранник, кивком указав на группу людей, сидящих посреди двора. Дескать, тебе туда. К остальным. Идти было трудно, но Коробов видел, что пленники пристально следят за каждым его шагом и старался не показывать слабости. «Пятеро. Нет ни Толяна, ни прапорщика. Что с ними? – думал он, усаживаясь на выступающую неровность площадки. – Ладно. Наверное, надо подождать,

когда кто-нибудь начнёт разговор первым. Может быть что-то и прояснится». Впрочем, он не успел закончить свои размышления, как справа раздался негромкий, чуть хриловатый голос:

– Ты эта, пехота... будь поосторожнее с прапором. Насквозь гнилой падла!

Пашка повернул голову. Рядом с ним сидел довольно крепкий, хотя и очень худой парень с копной длинных рыжих волос и такой же огненно-рыжей бородкой. Коробову показалось, что ярко-зелёные глаза говорившего буквально заполнены ненавистью и презрением. На пленнике была куртка старого образца с единственной петличкой, на которой зеленела затёртая танковая эмблема.

– Танкист? Меня Пахой зовут. Пашка Коробов.

– Неа. Разведчик. В засаду попали, твою мать! Я один в живых остался. Подорваться хотел, но забз**л малость. Опоздал на пару секунд. А потом меня сзади по башке ё**ли. Так и очнулся с чекой в руке. До сих пор не пойму, куда граната подевалась? Я – Фрол. Фролов, значит. – Глаза собеседника заметно потеплели, но в них ещё читалось недоверие. – Тебя тоже небось в каком-нибудь дукане зажо**ли? Или от дедов дёрнул?

Пашка не стал обижаться. Зачем? Ему понравилась откровенность Фрола. Он, правда, не хотел отвечать на откровенно бесцеремонные вопросы парня, но, чуть подумав, всё же решился:

– Нет. С дедами у меня всё ровно. Взаимная уважуха. Ротного и пацанов хотел из броника вытащить. Подорвались они. Не успел. Очнулся почти как ты. Правда, без чеки, но в зиндане.

Фролов улыбнулся. Хорошо и без насмешки. Чуть помолчав, шепнул, отворачиваясь:

– Паха, глаза опусти в землю. Потом объясню. Сейчас нас на речку повезут. Ты около меня трись. Побазарим.

Коробов послушно устался в землю и ответил негромким шёпотом:

– Понял.

На берегу реки охранники жестами приказали пленникам раздеться догола и сложить одежду в одну кучу. Фрол, не глядя на Пашку, пробормотал себе под нос, явно адресуясь ко всем товарищам:

– Чего они задумали, черти? С голыми ж**ми нас в зиндане держать? Ладно. Один х*р по-русски не говорят. Пошли Паха. Мне друган прапорюги кусок мыла земляничного выдал. Он у нас за старшину канает. Ты первый намылся. Сильно от тебя дерьмом прёт. Только всё на себя не расходууй. Надо, чтобы всем хватило. Усёк?

– Усёк...

Уже стоя по пояс в холодном потоке, Фролов вдруг толкнул локтем Коробова:

– Гляди, Паха. Душары наши шмотки жгут! Суки! У меня там в кармане фотка. Девчонки моей. Уроды! При обыске оставили, а тут...

Пашка смыл мыльную пену с лица и посмотрел на берег. Над небольшой горкой их форменного рванья веселилось пламя.

Пообщаться они не успели. Через десять минут пленников выгнали из реки и каждому вручили узел с новой одеждой.

Глава 6. Какого цвета бывают тюльпаны

Фрол крепко выматерился и потряс перед Коробовым штанами необычного покроя:

– Позырь, Паха! Куртки наши, хэбэшные выдали..., прям с нуля, а вместо нормальных штанов, свои кальсоны-шаровары сунули! Мотня до самых колен и карманов нет. Твою мать! – Не собираясь успокаиваться, парень достал из узла берет и с раздражением подвёл итог. – Да эти обезьяны, похоже, нас вообще в «своих» решили переодеть. Смотри, пацаны, вместо панамы дурацкий пакуль-макуль положили. Конкретно мы влипли! Бл*дь! Вместо берцев – тапки из покрывшек. Это даже не вьетнамки. Как в них ходить? Какого х*ра?

Пашка искоса взглянул на афганцев. Охранники стояли рядом с грузовичком и, не обращая ни малейшего внимания на пленников, вели оживлённую беседу между собой. «Блин! Их всего четверо! И не автоматы у них, а старые винтовки. Может, прямо сейчас ребят сблатовать? Крикнуть, мол, помогай, братва, и вперёд? – он почувствовал, как напряглись освежённые холодной водой мышцы, и всё-таки заставил себя успокоиться. – Нет. Не получится. Я кроме Фрола, никого не знаю. Да и его, по сути, тоже. Кто-нибудь труханёт и нам всем кранты. Жаль. Такая возможность... А будет ли второй шанс? Может, вся эта лабуда про обмен – полная хрень? Решайся, Паха!». Он ещё чувствовал озноб возбуждения, когда рядом раздался чей-то спокойный и безучастный голос:

– Остынь, Фрол! Не х*р дёргаться. Надевай, что дают. И скажи спасибо, что новёё.

Пашка машинально перевёл взгляд на говорившего. Это был невысокий, чрезвычайно худой и смуглый паренёк с азиатскими чертами лица и безмерно усталым взглядом. Коробов даже удивился, что тот разговаривает без акцента. Странно, но рассудительный голос азиата подействовал на рыжего отрезвляюще. Он лишь тихо огрызнулся, надевая на себя длинную полотняную рубаху:

– Сам заткнись, чурка хренова! – Видимо решив, что переборщил с эпитетом, косо взглянул на товарища и примирительно добавил, – ты, Сабыр, хоть названия этих тряпок знаешь?

Тот равнодушно пожал плечами и почему-то обратился к Пашке:

– Сколько раз говорить этому рыжему чмору, что меня зовут Сабыржан? А ему всё по х*р. У него все нерусские – чурки. А сам вылитый немец. У нас в Семске, на Жанасемее таких «фрицами» звали. Они в Бобровке живут. Посёлок такой есть. Рядом с Нахаловкой. Мой дед в войну фашистов пачками из пулемёта валил. Я – казах. Откуда мне знать, как называется эта одежда? Если бы они мне чапан дали, то я бы объяснил, что по-русски это не халат, а кафтан. Только без воротника. Фрол тупой, как ослиная задница.

Успокоившийся было разведчик, вновь стал заводиться:

– Слышь, ты, пастух хренов! Язык засунь в свою задницу.

Пашка и сам не понял, зачем вмешался в спор, так напоминающий обычную казарменную перепалку в минуты безделья. Как-то само собой получилось:

– Парни! Хорош языками молоть. Не тот случай. О серьёзных вещах думать надо, а вы «задницами» меряетесь.

На секунду физиономии Фрола и Сабыржана стали похожи, как лица братьев близнецов. Даже цветом кожи. Первым опомнился рыжий. Махнув рукой на казаха, спросил удивлённо-ехидным тоном:

– Ты это чего, слоняра зачуханная? Командирский голос решил выработать? Давно в чужих руках не обс***ся?

Пашка не успел среагировать. Его опередил кто-то из пленников, не принимавших участия в столь увлекательной дискуссии:

– Атас, пацаны! Душара идёт...

Все одновременно повернули головы в сторону грузовичка. От группы охранников к ним шагал тот самый мужчина неопределённого возраста, который толкнул Коробова в спину, не дав набрать полную грудь свежего воздуха. Пашка почувствовал, как его снова накрыла горячая волна азарта. Мозг заработал чётко и быстро: «Один! Остальные явно в расслабухе. Может, даже курнули чего. Этот гордо вышагивает. Голову задрал, чтобы выше казаться. Коротким ударом в горло... и всё! – Впрочем, порыв тут же сменился апатией. – Нет. Не выйдет. У него ствол в положении «за спину». Пока сниму, остальные успеют нас покрошить. Тем более, что у старшего всё-таки калаш. Да и смотрят в нашу сторону. Жаль. Второй шанс впускаю». Между тем моджахед, приблизившись к полуодетым пленникам, издал гортанный звук-команду и, к удивлению Коробова, его сотоварищи тут же привычно-безропотно построились в одну шеренгу. Пашка, придерживая широченные штаны руками, поспешно последовал их

примеру. Мужчина, презрительно усмехнувшись, начал показывать, как правильно надевать незнакомую парням одежду. Через пять минут их было уже почти не отличить от жителей кишлаков и кочевников бескрайней пустыни.

Пашка трясся в кузове разрисованной и украшенной колокольчиками барбухайки и старался не думать об упущенных шансах. Но мысли лезли в голову наперекор желанию. «Ничего, – размышлял он, прикрыв веки, – побег мне сейчас..., сегодня вряд ли по силам. Надо реально оценивать ситуацию. Не успел бы я снять с басмача винтовку. Пока с ней разбирался, старший нас всех положил бы из своего калаша. Винтовка-то не наша. Затвор чудной. И ещё неизвестно, как бы повели себя остальные. Может быть Фрол или Сабыржан сообразили, что к чему. Но стали бы они помогать? Вопрос. Не готов я пока. Будем надеяться на обмен. Таджики всё-таки побольше моего знает. Интересно, что с ним? Почему его не взяли с нами на речку? Главное, как там Толик? Живой ли?». Грузовичок, заскрипев тормозами, остановился. Снаружи раздались громкие мужские голоса. Двое охранников, ехавших в кузове вместе с пленниками, одновременно поднялись с мест и откинули занавес тента наверх. Секунд через десять парни уже стояли во дворе в окружении почти двух десятков людей, одетых в камуфляж иностранного образца, с добротными кожаными разгрузками-патронташами на груди и с автоматами наизготовку. Эти воины сильно отличались от местных охранников не только одеждой и экипировкой, но и своим поведением. «Что-то назревает. Сто процентов. – Думал Пашка, стараясь не выдавать своей заинтересованности. – «Гвардейцы» явно нездешние, а у дальнего дувала два новых «Симурга» стоят. И джип. Скорее всего, «американец». Я такого даже на видеокассетах не видел. Наверняка начальство душманское приехало. Похоже, что Таджики прав. Зачем столько главарей в заброшенном кишлаке собралось, если речь не об обмене идёт?». Коробов невольно оглядел лица товарищей и поразился перемене. В их глазах буквально светилась надежда на счастливый исход. И только казах равнодушно смотрел себе под ноги. Пашка слегка подтолкнул его локтем и шепнул, стараясь не шевелить губами:

– Ты чего, земля?

Тот даже не стал поворачивать головы:

– Заткнись. Если не хочешь потом кровью харкать.

Пашка не обиделся. Он нутром чувствовал, что щуплый паренёк с уставшими глазами обладает стальным характером. Ему вдруг захотелось как-то выказать своё уважение Сабыржану, но в этот момент почувствовал лёгкий толчок в спину:

– Не поворачивайся, Паха. – Голос Таджики звучал приглушённо, как сквозь вату. – Часы свои возьми. Только втихаря. Мне их Мамун передал. Он с вами на речке был. Время тоже он установил. Местное. Ладонь раскрой. Я ещё твой крестик откопал. Прячь, где хочешь. А лучше выкини незаметно. Не поворачивайся, тебе говорят...

Коробов почувствовал на вывернутой лодочкой ладони часы и крестик. «Хрен тебе, прапорюга! Не стану я крест выкидывать, хоть и не верю во всю эту ерунду. Я должен его Аннушке показать, когда домой вернусь. Если вернусь. А за «Победу» спасибо. Пригодится. Теперь уже точно заводить не забуду».

Вопреки ожиданиям, их не стали спускать под землю, а расселили в двух комнатах небольшой саманной лачуги, стоящей неподалёку от полуразрушенного дувала. По три человека в каморку. Пашка надеялся, что его определят вместе с Фроловым и Сабыржаном, но желание сбылось лишь наполовину.

– Падай рядом, Паха. – Фрол уже успел занять место на циновке под небольшим окошком и, наверное, поэтому, чувствовал себя хозяином. Кивнув на парня, устроившегося в тёмном углу, представил, скривив при этом рот. – Его никак не зовут. Вернее, зовут его Никак. – Заметив осуждение в глазах товарища, пояснил, – он сам сказал, чтобы так звали. Всё время молчит. Правда, мы и виделись всего-то три раза.

Из угла раздался хриплый голос:

– Четыре...

Фрол даже руками прихлопнул по бёдрам:

– Надо же? А мы, оказывается, и говорить умеем?

Человек слегка зашевелился и вздохнул:

– Отвали. Трепитеесь о чём хотите. Меня только не трогайте. Терпеть не могу пустой болтовни.

Пашка, заметив, что рыжий собирается всерьёз схлестнуться с сокамерником, предупредительно махнул рукой. Дескать, не трогай соседа. Он пытался припомнить, как выглядел этот человек на речке, но так и не смог. Словно и не брал парень «Никто» из его руки кусок земляничного мыла, подчиняясь установленной Фролом очередности.

– Забей! – Разведчик вытянул ноги во всю длину и погладил себя по животу, – похоже, сказка со жратвой на сегодня уже закончилась. И то ладно. Два раза похавать удалось. По три дня не жрали. Ничего, живём покуда.

Из угла донеслось хриплое:

– «Покуда». – Никто снова зашевелился. – А завтра, глядишь, снова Коран вынесут. Как в тот раз.

Фролов подмигнул Пашке и нарочито ехидным тоном заговорил, явно намереваясь втянуть соседа в беседу:

– И чо? Приму. Даже обрезать разрешу. Говорят, что не больно.

– Тебя спрашивать не будут. Дело не в религиозном обряде. – Видимо, парень решил снизить до общения. По крайней мере, он занял более удобную для разговора позу. – Примешь ислам, должен будешь доказать, что искренне. Дадут тебе или бур, или калаш, и пошлют по своим бывшим палить. Ну, так что? Примешь и пойдёшь?

Пашка непроизвольно посмотрел в лицо товарища. И хотя в глазах разведчика читалась растерянность, тот и не собирался пасовать перед прямыми и неудобными вопросами.

– Ты меня понт не бери. Не надо. «Обряд религиозный»! Больно грамотный, что ли?

Сосед хмыкнул:

– А мы с тобой не диктант здесь пишем. Перед нами выбор. И всего два пути. И вы оба их знаете. Или подсказать? Как слабоумным?

Фрол словно сбесился. Оттолкнув пашкину руку, заговорил быстро и сбивчиво:

– Сам ты, «слабоумный»! Понимаем. Не пальцем деланы. Только бур или калаш можно и в другую сторону повернуть! Тупых, блин, нашёл! Я в рейдах и поисках каблуки до самой ж*пы стёр! «Красную звезду» за просто так не дают! И «За отвагу» просто так на хэбэшку не вешают. У меня дед всего две медали с фронта привёз. «За победу над Германией» и «За отвагу». Сам никогда не надевал. На День Победы мне на рубашку прикалывал. Чтобы я им гордился. В своих стрелять? Х*р тебе! Да мне только ствол в руки заполучить. Я с ним к нашим выйду, они меня и в этих портках как надо примут. Поймут.

– Поймут? Ну-ну... По особым отделам замучаешься таскаться. Объяснения писать. Всё. Достал ты меня, боевик недоподорванный. Чего уставился? Мы с тобой в одной яме целую неделю куковали. Не помнишь? Все уши прожужжал, как в штаны навалил и гранату у тебя из рук якобы выбили. Про штаны верю на все сто. А про гранату, извиняй, нет.

– Ах ты сука! – Фрол рывком поднялся с места, – сейчас ты у меня сам в штаны навалишь...

Пашка схватил разведчика за щиколотки и рванул на себя. Тот едва успел выставить вперёд руки. Одновременно с падением разбушевавшегося Фролова раздался скрип двери, и в проёме показался Таджики. Коробову на миг показалось, что время замерло, настолько неожиданным было появление прапорщика. Впрочем, и сам вошедший был немало смущён увиденной им картиной.

– Вы, что, борьбой решили заняться? – спросил он, придя в себя через пару секунд, – нашли время и место...

Пашка, вытерев ладони о циновку, прищурился:

– Тебя каким ветром занесло? В гости решил заглянуть? Видно, Мамун к тебе очень хорошо относится, раз так свободно шастаешь!

Таджик ухмыльнулся:

– Мамун здесь ни причём. Он так, пешка. Начальник охраны меня старшим назначил...

Из темного угла донеслось ехидное:

– С повышением, вас, товарищ прапорщик! Извиняйте, не знаю как ваша новая должность на пуштунском звучит. Слышал, что в Советской армии вы начальником склада были. Или завистники врут?

– Где она, твоя Советская армия? – Таджик, мельком взглянул в сторону угла и снова повернулся к Коробову. – Короче, Паха, я вам лепёшку принёс и воды. Это всё. Не знаю, чем нас завтра кормить будут. И будут ли вообще. Так что вы всё сразу не мечите. Впрочем, сами решайте. Не в детском саду...

Оборвав себя на полуслове, прапорщик развернулся к выходу. Пашка, глядя в спину новоявленного начальника, спохватился:

– Постой, Тадж. Не торопись. Ты Толика видел? Может, слышал про него?

Бывший сокамерник с опаской развернулся. Ему явно не хотелось задерживаться в каморке. Секунду подумав, неохотно ответил:

– Да на хрен он тебе нужен, Паха? Доходяга твой дружок. Вообще соображать перестал. – Осторожно оглянувшись на дверь, вполголоса зашептал. – Его, похоже, дурью накачали. На полу лежит как труп. Мычит, улыбается и под себя ходит. Думаю, кранты ему завтра.

Пашка почувствовал, как спазм перекрыл дыхание. С трудом справившись с комом в горле, выдал из себя пустой по сути вопрос:

– Почему ты решил, что Толик завтра умрёт? Может он просто приболел?

Таджик лишь пожал плечами и поспешно вышел из комнатки. Снаружи звякнула щекотка.

– Сука он, гэсээмщик хренов! – Казалось, Фрол напрочь забыл недавнюю ссору с Никто. – И здесь нашёл как пристроиться. Да ещё и дверь на засов закрыл. Говорю же, сучара он.

Пашка не собирался отвечать. Ему хотелось остаться один на один со своими мыслями. Не получилось. Разговорившегося Фрола неожиданно поддержал безымянный сокамерник:

– А что ты хотел, разведка? Прапор свою шкуру спасает. Как может. Он же нас не предал? Не предал. Просто ему повезло больше, чем нам. По крайней мере, больше, чем этому Толику. Или я не прав?

Рыжий резко развернулся к углу, но не успел даже рта открыть. Его перебил Пашка. Хмуро взглянув на продолжающего лежать «правдоруба», спросил, осенённый внезапной догадкой:

– Зачем вы так? Ведь вы же офицер? Или я ошибаюсь? – не дождавшись ответа, продолжил поучительным тоном, – а если я прав, то именно вы обязаны взять на себя ответственность. Так что? В точку попал?

Человек зашевелился, усаживаясь поудобней. Видимо он подыскивал слова для ответа. Фролов не выдержал затянувшейся паузы:

– Время тянуть не надо. Не по-командирски это, в молчанку играть. Не на допросе. Паха конкретно спросил. По делу.

– Ну да. Угадал ты, Павел Батькович. Только я особо и не скрывал. И звёзд с погон не срывал. Вы просто не видели. Впрочем, это не важно. – Помолчав, придвинулся поближе. – Чего вы от меня хотите? Чтобы я сопли вам вытирал? Не выйдет. Или ты, Паха, хочешь, чтобы

я Анатолия твоего пожалел? Так мне и без тебя парня жалко. Только что я могу сделать в такой ситуации?

Коробов и сам не знал, откуда взялись у него именно такие слова. Не чувствуя, ставшей привычной боли, он встал и, уперев взгляд в собеседника, заговорил, чётко и взвешено:

– Прежде всего оставаться офицером. И для начала представиться как положено. И не давить на нас своей безысходностью. Выход есть всегда. Меня так мои командиры учили. – Чувствуя, как его начинает трясти от возбуждения, ткнул себя в грудь. – Я – сержант Советской армии. Присягу давал. Без сознания в плен попал. Фрол, тоже не на солжаре влип. Или вы только на политзанятиях в такие слова верите? Да вы своей безнадёгой не на командира похожи, а на самого зачуханного чморя...

Даже в полумраке было видно, как побледнело лицо сокамерника. Рывком поднявшись с места, ответил, не скрывая угрозы в голосе:

– Ты, сержант, язык-то свой придержи...

– А то что? – Пашка криво усмехнулся, – на губу меня отправите? Сидел я в учебке два раза.

– Погодите. – Фрол поднял обе руки вверх. – Хорош базары разводить. Нам думать надо, а не друг-другу шпынять. Паха прав. Тебя учили нами командовать, тебе и рулить. Какая, на хрен разница, в плену мы или где?

В каморке повисла гнетущая тишина. Наконец, «Никто» тяжело вздохнул:

– В том-то и дело, что не боевик я. И даже не политработник в прямом смысле.

Вопрос парней прозвучал одновременно:

– А кто?

– Начальником киногруппы в отряде пропаганды и агитации служил. Чтобы понятней вам было, считайте меня киномехаником.

Пашка непроизвольно сглотнул:

– А звание-то у вас было?

Тот слабо улыбнулся:

– Почему было? Пока что не разжаловали. Старший лейтенант Привалов Валерий Михайлович. Здесь можно просто Валерием звать...

Фрол опустил на циновку:

– Приплыли, блин! Автомат хоть в руках держать приходилось? Или только фоткался с ним?

Привалов присел рядом с разведчиком:

– Я ведь не кадровый военный. Институт закончил, предложили в армии послужить. Как-то всё само собой закрутилось... отслужил два года, вроде понравилось. Оклад приличный и всё-такое... рапорт написал, дескать дальше хочу служить. Мечтаю. Вот и домечтался. Оглянуться не успел, как за речкой оказался. Мне ведь один месяц до отпуска оставался. Всего-то. Думал, вот приеду домой героем...

Фролов поморщился и перебил разговарившего сокамерника:

– Ладно, забей. Садись, Паха. Давайте лепёху на два раза разделим и пожрём. Прапор прав. Хрен его знает, что нас завтра ждёт? Может, запасец нам и пригодиться.

Пашка решился. Теперь он точно знал о чём будет говорить. Опустившись на циновку, поочерёдно взглянул в глаза товарищей и, стараясь унять нервную дрожь, заговорил уверенно и неторопливо:

– Бежать нам надо, парни. Ты, Фрол, правильно сказал. Мы не знаем, что нас ждёт завтра. Если вы решите остаться, я в обиде не буду. Один рвану. Лучше от пули погибнуть, чем в яме гнить и ждать, когда нас в какой-нибудь Пакистан продадут. Как баранов. Если повезёт, попробую с казаком завтра поговорить. Мне кажется, что у пацана хватит характера. Я его,

конечно, не знаю. Просто чувствую. Уговаривать вас я не собираюсь. Дело добровольное. Для себя я всё уже решил. А вы сами думайте.

Разведчик отозвался сразу. Подняв глаза на Коробова, сказал так, будто говорил о простом и привычном:

– Я пикапы во дворе засёк. Новые. Один себе возьмём. Если получится ещё и автомат взять, то надо сразу по остальным колёсам бить. По ходу, это твоя, Паха, задача. Я ездил на трофейном. Хорошая тачка. Нам главное до гор добраться. Километров десять отюдова. Вернее, от того места, где мы в речке купались. Там мы машину бросим и в горы пешедралом рванём. Если повезёт и в кузове шмутки тёплые будут, да ещё со жратвой, тогда наверняка до своих доберёмся. Отвечаю. Только давай так, я за командира. Чтобы потом не спорить. Якши?

Пашка улыбнулся и по-шутовски отрапортовал, делая ударение на «Х»:

– Яволь, херр командир!

Фрол всерьёз обиделся:

– Сам ты, хер! При том маринованный...

– А вы не думали о том, что будет с остальными? – голос Валерия был привычно равнодушен и тускл, – независимо от того, во что выльется ваша авантюра...

Разведчик резко повернулся к говорившему:

– А ты, чо? Не с нами?

Тот неохотно ответил:

– Ещё не решил.

– погоди, Фрол. – Пашка осадил парня, уже готового выплеснуть на Привалова злость и негодование. – Он прав. – снова взглянув на Валерия, продолжил неторопливо, взвешивая каждое слово. – Только вы забыли, товарищ старший лейтенант, что я собираюсь поговорить с Сабыржаном. Именно на эту тему. Мы не сегодня собираемся в бега удариться. Ещё многое обдумать надо. Чтобы наша «авантюра» в серьёзный план превратилась. И тут всё сходится...

Старлей-киномеханик не выдержал замедленно-ровного тона сержанта. Не пытаясь сдерживать эмоции, воспользовался короткой паузой в тягучей речи Коробова:

– Сходится? Что именно? Сходится только то, что если вы предпримете попытку побега, то остальных в лучшем случае просто расстреляют. Вот что сходится...

Пашка мотнул головой:

– Нет. Я не об этом. Нас разделили на две группы. В нашей «камере» всё встало на свои места: два человека не хотят гнить заживо, а один вполне согласен стать рабом. Двое готовы рискнуть жизнью. Один – нет. Значит, вы сделали свой выбор. Но мы не имеем права лишить выбора остальных пленных. У Сабыржана хватит ума пообщаться со своими сокамерниками. И они сами примут решение. Или я не прав? Кстати, вы в цветах и красках рассказали, что ждёт тех, кто примет ислам. Судя по всему, вы уже приняли решение. Вопрос: что, товарищ старший киномеханик, возьмёте калаш и начнёте доказывать хозяевам свою преданность?

Привалов заговорил не сразу. Он явно не ожидал, что вопросы Коробова загонят его в угол. Не сумев найти ответов, решил обойти острые углы:

– Начнём с казаха. Ума ему, несомненно, хватит. Если только он решит составить вам компанию. А если он вас заложит? Минут через пять после разговора по душам? Который, кстати, не факт, что состоится.

Павел кивнул, соглашаясь:

– Не факт. Это точно. Но я о другом ещё хотел сказать.

– О чём?

– У вас, товарищ работник армейского культпросвета, теперь есть шанс и себе должность у духов выхлопотать. По примеру Таджики. А что? Говорят, что один раз не считается. Завтра поутру вложите нас по-тихому и все дела. Уже второй, нет, пожалуй, третий выбор перед вами нарисовался. Решайте.

Лицо старлея вновь стало бледным:

– Ты за кого меня принимаешь, сержант?

Пашка решил не останавливаться. Он почувствовал себя лётчиком, идущим на таран:

– Что? Снова вспомнили о своём звании и партийном билете? Вы ведь наверняка член партии? Тогда какого хрена...

– Да пошёл ты! – Привалов поднялся и шагнул в облюбованный им угол.

Фролов положил руку на пашкино плечо:

– Не с*ы, братишка! Если что, я ему своими руками шею сверну. Не успеет настучать. Давай спать. Может завтра всё и сложится.

Коробов постарался успокоиться. Ему почему-то стало стыдно перед старлеем. Скинув руку разведчика, пробурчал себе под нос:

– Один хрен, впрок не выпишься...

– Это точно, – буркнул Фрол в ответ, поворачиваясь лицом к стене, – но попробовать надо. – Зевнув, спросил без особого интереса. – Ты где так красиво трепаться научился?

– Отвяжись. Без тебя тошно...

Пообщаться с казахом не удалось. Всё пошло как-то не так. Утром ни свет, ни заря в их каморку вошёл Таджик и, молча поставив на циновку кувшин с водой, поспешно вышел, не проронив ни слова. Фролов, проводив взглядом сгорбленную спину прапорщика, хриплым спросонья голосом заметил:

– Хоть бы слово сказал, урод! «Начальник», твою мать...

Пашка, не ответив разведчику, зачем-то посмотрел на Привалова. Тот выглядел неважно, словно недавно перенёс тяжёлую болезнь.

– Всё в порядке? – Коробов задал вопрос просто так, даже не рассчитывая на ответ.

К его удивлению, Валерий, слабо улыбнувшись, кивнул:

– Нормально. Вы, парни, лепёшку на двоих делите. Мне что-то есть не хочется.

Через полчаса в комнату снова зашёл прапорщик в сопровождении двух вооружённых моджахедов. Пряча глаза, сказал голосом обречённого:

– Пошли, пацаны. Пора.

Пашкой овладело предчувствие то ли катастрофы, то ли ещё большей беды. «Хорошо ещё, что успел часы завести. – Не к месту подумал он, следуя за еле передвигающимися ногами товарищами. – Вот и Фрол со старлеем приуныли. Как будто знают, что нас ждёт. Ладно. Разберёмся. Пока живём, а там видно будет». Он сразу заметил изменения во дворе. Вместо трёх автомобилей у полуразрушенного дувала стоял только один. Тот самый «американец», взбодривший его воображение. Куда-то подевались и вчерашние «гвардейцы», одетые в камуфляж с иголки. Правда, количество охранников заметно увеличилось, но они явно были из местных. «Значит, остальные высокие гости уехали? – Думал Пашка, занимая место рядом с разведчиком. – Похоже, что никакого обмена не будет. По крайней мере, сегодня уж точно».

– Гляди, Паха, они, что ли, турник забацали? – Негромкий шёпот Фролова прервал тяжёлые мысли. – Нормативы у нас принимать будут?

Коробов поднял глаза и увидел сооружение из двух столбов с перекладиной наверху, отдалённо напоминающее спортивный снаряд. Чуть в стороне от непонятной конструкции стоял навес из куска армейской массети, под которым был расстелен ковёр, заставленный посудой для чаепития. Пашка даже не успел сообразить, что ответить товарищу, как всё вокруг пришло в движение: вдруг засуетились душманы, которые до этого просто коротали время в безделье, в прорехах дувала замелькали дети, явно выбирая места поудобнее в предвкушении зрелища. Даже водитель джипа, очевидно дремавший на заднем сиденье, вышел из автомобиля и присел на валяющийся рядом обломок самана. Коробов оглянулся в растерянности и почувствовал, как спина покрылась холодным потом: позади их шеренги стояли шесть охран-

ников с автоматами наизготовку. «Неужели всё? Откуда взялись дети? Кишлак ведь заброшен... Зачем по стрелку на каждого? Хватило бы и двоих... – Бессилие и апатия парализовали его волю. – Какая нелепость...». Установившуюся было тишину потревожил скрип двери, из которой показался Таджики, тащивший на руках обмякшее тело Толяна. Парень был жив, но безвольно повисшие руки и волочащиеся по земле босые ноги ясно указывали, что его пребывание в этом мире исчисляется уже не часами, а минутами. Пленники молча наблюдали, как у перекладки к прапорщику подошли два помощника-моджахеда и, приняв исхудалое тело, осторожно уложили его лицом вверх. Тут же распахнулись двери самого большого дома, расположенного в дальнем углу, рядом с колодцем. Все присутствующие одновременно повернули головы. В воздухе повисла почти абсолютная тишина, нарушаемая лишь шагами нескольких мужчин, одетых в традиционные наряды с элементами военного снаряжения и далёкими отзвуками повседневной жизни соседнего селения. Один из мужчин, очевидно, главный, кивнув сопровождающим, чтобы они заняли места под навесом, не торопясь подошёл к пленникам и остановился в паре шагов от шеренги. Он был высок, строен и молод. Даже седина в ухоженной бороде не добавляла ему лет. «На вид, не более тридцати. – Думал Пашка, стараясь не смотреть в глаза моджахеду. – Вождь племени или полевой командир. Какая разница? Какого х*ра ему от нас надо? Сто процентов по-русски ни бельмеса...». Однако мужчина заговорил на русском, при том без ошибок и почти неуловимым акцентом:

– Меня зовут Заки. Я – главный советник старейшины нашего племени, многоуважаемого Кабира. Я не люблю ваш язык. Это язык шакалов. Но мой долг довести до вас слова нашего вождя. Следуя заповедям Пророка, мы даём вам возможность искупить свою вину, приняв истинную веру и став участниками нашей борьбы за свободу многострадального Афганистана. Я понимаю, что ваши головы больны безверием и коммунистической идеологией. Вы не верите в единого Бога и следуете по пути лжи и порока. Вы не верите в сады, где текут ручьи. Вы не верите в ад, куда отправляются души неверных после смерти. Аллаха всесилен. И только он может показать, что такое рай – обитель праведных душ. Я – человек. А человек лишь песчинка в этом мире. Я – песчинка. Но мне по силам показать вам, что ждёт неверных в аду. Вы своими глазами увидите, какие мучения ожидают вас после смерти, если вы согрешите и проявите гордыню, отказавшись от истинной веры. Шурави любят называть именами цветов предметы и орудия убийства. Вы называете ваши пушки «Гиацинтами» и «Акациями». Вы называете самолёт, увозящий трупы неверных, «Чёрным тюльпаном». Но вы забыли, что тюльпаны бывают разными. И чёрными, и красными. Мне рассказали, что шурави сами назвали это испытание «Красным тюльпаном». Очень точное название. Только мало кому из ваших товарищей довелось увидеть, как расцветает бутон алого цвета. Вам повезло. Вы это увидите своими глазами. Узнаете. И это знание позволит вам принять правильное решение. – Махнув рукой за спину, Заки улыбнулся. Широко и дружелюбно. – Этому кяфиру не будет больно до тех пор, пока он не очнётся от своего сна. И пока он спит, мои помощники подвешат его за руки и аккуратно надрезут кожу вокруг живота. Он проснётся, уже превратившись в красный тюльпан. Он пожалеет, что не принял истинную веру. Но будет уже поздно. Для него. А у вас ещё будет время для размышлений. До завтрашнего утра. Главное, чтобы ваше решение созрело самостоятельно.

Закончив столь долгую речь, Заки отвернулся и негромко сказал всё ещё на русском:
– Приступайте...

Пашка успел увидеть, как взмыло вверх обнажённое тело Толяна и как один из моджахедов сделал надрез острым и тонким клинком. Ещё он успел услышать чей-то нечеловеческий крик и короткую автоматную очередь. Мозг не выдержал, сознание его померкло...

Глава 7. Да пошёл ты со своими планами!

Пашка с трудом вырвался из чёрной вонючей трясины. Зловонная жижа уже почти достигла подбородка, но чьи-то руки неожиданно рванули его вверх.

– Оклемался? – голос разведчика звучал где-то рядом с ухом, – кончай ночевать, пехота. В обморок шлёпнулся как баба. Не думал, что ты такой слабак. Хорошо ещё, что не об*ся со страху...

– Спасибо, Фрол! – Пашка открыл глаза, думая, что и болото, и спасение из трясины были наяву. Настолько реальными казались ему сновидения.

– За что? За то, что я тебя на своём горбу в камеру тащил? Так ты лучше начальнику охраны спасибо скажи. Это он мне приказал, а пацанам не разрешил помогать. Скотина!

Коробов, осознав нелепость своей благодарности, нехотя оправдался:

– Извини, разведка. Кошмар приснился, вот и перепуталось всё в голове. Вроде бы всё в натуре было.

Тот кивнул и присел на циновку. Его лицо стало серым, глаза покраснели, а пальцы предательски задрожали. Пашка видел, с каким трудом товарищ сохраняет видимость спокойствия. Наконец Фролу удалось взять себя в руки:

– Кошмар, говоришь? Тебе, братишка, повезло. Ты отрубился. А мы этот кошмар до самого конца досмотрели. Все. Кроме, старлея Валеры...

Пашка почувствовал, как ужас сжимает его сердце:

– Что с ним? Он жив?

Фролов слотнул и, прикрыв глаза, хрипло ответил:

– Ты в обморок грохнулся, когда бабаи стали шкуру с Толяна сдирать, а Валера заорал что-то и кинулся с кулаками на ихнее начальство. Два шага только и успел сделать... Из калаша его завалили. – Вытерев кулаком непрошенные слёзы, прошептал затухающим голосом. – Эх, Валерка... а я тебя за чморя держал... а оно... вон оно как получилось. Мы все от страха обо**сь, а ты в одиночку...

Разведчик замолчал и положил лоб на колени. Его плечи затряслись от сдерживаемых рыданий. Коробов не решался заговорить. Ему было невыносимо стыдно и за обморок, и за недавний спор с «киномехаником». Пашка пытался и не мог найти слова утешения, понимая, что всё, что он сейчас скажет вслух, будет насквозь пропитано фальшью. Наконец Фролов поднял голову и вытерев ладонью лицо, заговорил, глядя пустыми глазами на стену:

– Толян даже кричать не мог. Так, сипел что-то. Трепыхался на верёвке, как рыба... Долго мучился. А эти уроды сидели, чай пили. – Его лицо вдруг стало спокойным, а из голоса исчезла хрипота. – Знаешь, Паша? Ладно, эти, гон**ны. Им всё по х*й. Но дети! Они сидели на заборе, смеялись и швыряли в Толика камни. Скажи мне, Павел, ты ведь пацан образованный. Я это сразу понял. Скажи, какого х*ра мы пришли в этот ср*ный Афган? Кому мы здесь помогаем? На хрена это всё было нужно? Ответь мне. Только по-честному. Нормальными человеческими словами, а не из книжек про коммунизм и прочую хрень. Можешь мне объяснить? Я ведь не чета тебе. Фазанку кой-как закончил и сразу в армейку.

Странно, но откровения разведчика, вдруг успокоили Коробова. Может быть, потому что тот впервые назвал его полным именем, а может, и потому, что в его речи не было ни малейшего упрёка. Глубоко вздохнув, Пашка присел рядом с ним и обняв за плечи, честно сказал:

– Не знаю. Я знаю только одно. Вся эта философская белиберда нам сейчас не нужна. Нам дёргать отсюда надо. – Почувствовав, как напряглись плечи разведчика, торопливо закончил. – Ты говорил, что можно сначала согласиться принять их веру, а потом рвануть с оружием к своим. Ты как?

Фролов скинул пашкину руку с плеча и резко поднялся. Глядя, сверху вниз на съёжившегося Павла, зашептал. Несвязно, путаясь в словах, то и дело перескакивая с одного на другое:

– Ты о*л? Это не люди... ребятня камнями... Толян как карась на леске, а они чай пьют! Это как? Ты говоришь, веру ихнюю принять? Х*р тебе! Валерка был прав. Не наша это вера...

и особисты здесь ни при чём! Ты не видел, как с него кожу сдирали, а я – видел! Если я, хоть чем-то стану похож на них... нет! Я жить с этим не смогу. Хочешь? Принимай! А я лучше пулю приму... и хрен с ними, с особистами этими...

Коробов резко дёрнул руку разошедшегося Фрола вниз:

– Успокойся, братан! И сядь на место. – Глядя, как пришедший в себя разведчик опускается на циновку, продолжил немного растерянно. – Я тебе твой план напомнил. Просто так. Без всяких понтов. Как вариант. Не нравится? Давай другой вместе обдумаем. Нам ведь план, хоть какой-то нужен? Нужен. Так что включай извилины.

Реакция разведчика была неожиданной. Встав на четвереньки, Фрол почти заорал:

– План! Да пошёл ты со своим «планом»! Какой на х*р тебе план нужен? Может, ещё на бумаге напишем и с начальником душманской охраны согласуем? А ещё лучше, с этим, как его? Заки! Он – урод! – Выплеснув эмоции и осознав комичность своей позы, парень успокоился и снова присел рядом. – Паха! Нет у нас плана и быть не может. И ты это понимаешь не хуже меня. Тут всё от удачи зависит. И от нас самих. Знаешь, что говорил мой ротный, когда задачу на выход ставил? Он говорил, мол, прибудете в эту точку, а дальше работайте согласно обстановке. Он знал, что по-всякому могло повернуться и рассчитывал на наши бестолковки. И всё всегда получалось. Кроме крайнего раза. – Ещё раз взглянув в глаза товарища, тихо закончил. – Прав был Валера. Наложил я тогда в штаны. Всего-то на пару секунд заб*л. Мне ещё за пацанов рассчитаться надо. И за Толяна...

Услышав последнюю фразу, Пашка вдруг спросил:

– Все наши смотрели, как Толяна убивали?

– Все. Казах, правда, рыпнулся на помощь Валерке, но ему прикладом по затылку врезали, он и осел. Повезло, что не пристрелили.

Коробов не стал долго думать. Вернувшись на своё место, подвёл итог:

– Всё в силе. Ты, Фрол, за командира. Моя задача взять оружие. Если повезёт, то калаш прихвачу. Твоя – автомобиль. Жаль, что пикапы уехали. Но я думаю, что ты и с джипом справишься. Ну что, командир? Утверждаешь?

Разведчик улыбнулся:

– Яволь, херр Пехота! Не с*ы Паша, за дело берётся Разведка.

Глава 8. Побег

Фрол очнулся глубокой ночью в холодном поту от кошмарного полузабытья и увидел Пашку, стоящего на цыпочках у маленького окошка:

– Ты чего, Пехота? Не спится? – Он спросил лишь для того, чтобы услышать свой голос и задавить воспоминания о недавнем сне. – Зря. Нам сил надо набираться. Хрен его знает, что нас ждёт, а от воды много пользы не будет. Только сон и остаётся. Особенно тебе.

Коробов вздрогнул от неожиданности и повернулся к другу:

– Я вот что думаю, командир...

Фролов, невольно улыбнувшись в ответ на столь почётное обращение, всё же решился перебить:

– Ты присядь. Нечего каланчой торчать. Да и базарить лучше сидя. Как говорил наш старшина: «Солдату дельные мысли приходят, когда он на толчке сидит». Умный был прапорщик. Большой души человек. Даже не бухал никогда.

Пашка кивнул и опустил рядом:

– Блин, перебил ты меня... Старшина твой прямо Козьма Прутков вылитый. Бессмертная цитата. Постараюсь запомнить. Вдруг пригодится?

Разведчик усмехнулся, подчёркивая своё превосходство в жизненном опыте:

– Вот ты умный, Пехота, а несёшь чушь галимую! Надо же такое ляпнуть?

– Ты это о чём сейчас?

Фрол, слегка побряхтывая для пущей солидности, опёрся спиной на стенку:

– Не можешь ты всё знать, Паха! Да и откуда тебе? Старшину нашей разведроты звали Одилько Леонид Францевич. Никакой не Прутков. Кликуха – Француз. Он наверняка знал и не обижался на пацанов.

Коробов поморщился от досады, но ответить не успел. Окончательно оправившись от ужасов сна, его товарищ явно хотел выговориться:

– Дурацкая кликуха у него. И у тебя тоже... дурацкая. Не в тему. Ты ведь не птица? Не птица. Давай я тебя Пехотой буду звать, а ты меня Разведкой? А ещё лучше Командиром? Ну что?

Пашка почувствовал, как похолодели кончики пальцев: «Совсем как Толян тогда. В зиндане. Всё хотел мне имя красивое придумать. Не успел. Послать разведку, что ли? Только время зря теряем. Хотя... Может оно и к лучшему». Взяв себя в руки, всё же решил поскорее закончить пустой разговор и перейти к главному:

– Классная идея, братишка! Пехота, так Пехота. А я тебя Командиром звать буду. Коротко и ясно.

Фрол, сам того не понимая, пришёл ему на помощь:

– Ага. Ты чего сказать-то хотел? А то ходишь вокруг да около. Давай по делу. Светает уже. Скоро наш гэсээмщик приползёт. Не знаю, как насчёт еды, но что-то ведь сказать должен?

Коробов, уже справившись с дурными мыслями, заставил себя улыбнуться:

– Лады. С позывными у нас теперь полный порядок. – Немного подумав, чтобы собраться и вернуться в начало разговора, продолжил, стараясь говорить короткими фразами. – Я вот что думаю, Командир. План нам всё-таки нужен. На авось не получится. Не тот случай. Слишком много на карту поставлено.

Разведчик поморщился как от зубной боли. Тяжко вздохнув, пробубнил недовольно:

– Опять за своё? Мы ведь уже всё обсудили... Нет никакого плана. И не хрен время тратить впустую. Тебе чего? Потрепаться захотелось? Так давай на другую тему. Например, про девчонок. Я не против.

– Постой, не перебивай. – Пашка с трудом подавил желание прикрыть рот товарища ладонью. – Ты абсолютно прав. Всё будет зависеть от стечения обстоятельств...

Фрол и в этот раз не смог удержаться:

– Давай попроще. Говоришь, блин, как на политинформации...

– Заткнись и слушай! – Коробов даже придвинулся к разведчику, явно намереваясь закрыть ему рот. Сдержался. – Вопрос в том, что эта случайность, скорее всего, будет короткой. По времени.

– Дебилу понятно!

– Это хорошо, что «дебилу» понятно. Дальше слушать будешь? Или башку лень включить?

– Валяй.

Пашка удовлетворённо кивнул:

– Ну и хорошо. Так вот. Если кто-то из нас поймёт, что момент подходящий, то без всяких сигналов сразу начинает действовать. Сам. Другой, неважно, ты или я, без вопросов обязан решать свою задачу. По задачам мы уже определились.

В глазах разведчика вспыхнула искра неподдельного интереса, слегка замешанного на недоверии:

– Как? На словах всё гладко у тебя получается.

Коробов пожал плечами:

– Просто. Ты засёк, например, что кто-то из охранников расслабился. Ну, споткнулся... Или ещё что-то... Тут же толкаешь его на меня и рвёшь к машине. Любой. Если их будет несколько. Лучше всего к той, у которой стоит водила. Твоя задача – вырубить душару и взять

ключи. Ты заметил? Они всегда ключи на пальце крутят. На цепочке. Друг перед другом выделываются. Прыгаешь в тачку и заводишь. На меня не оглядываешься. Сразу по газам...

– А ты? Силёнок-то хватит? Не много на себя берёшь?

Пашка нахмурился:

– Не твоя забота. Всё равно суматоха поднимется. Ты только около меня чуть приторози, чтобы я успел в кузов «Симурга» запрыгнуть. Усёк?

Фрол, судорожно сглотнув ком в горле, переспросил:

– А если будет джип?

– Значит, заранее открой дверцу пассажира. Не с*ы, Командир, я смогу. – Немного поразмыслив, твёрдо добавил. – Ну а не успею, рви к реке и действуй, как говорил твой ротный, согласно обстановке. Назад не оглядывайся. Закон джунглей. Повезёт тому, кому повезёт.

Парень приподнялся и тут же опустился на колени:

– Знаешь, что, Пехота? Пошёл ты на х*р со своими джунглями! Так у нас не принято. Разведка своих не бросает. Если тебя замесят, то я тачку разверну и на полном ходу в толпу въеду. В ихнюю, конечно. А там посмотрим, кто кого. Усёк? Или ты меня бросишь? Если карта не так ляжет? Да и в одиночку далеко в горах не уйти.

Пашка серьёзно посмотрел в глаза друга:

– Дело говоришь. Будем бодаться. Только давай так. Если вместо меня или тебя в кабину запрыгнет кто-то другой, ну... например, казах... тогда однозначно надо рвать и не оборачиваться. Главное – до гор добраться.

Фрол даже зашёлся от негодования:

– Ты о**л? Получается, что по любому, кто-то из нас должен на остальных болт положить? Как хочешь, но я не согласный.

Коробов не смог сдержать улыбки:

– «Не согласен».

– Чего?

– Того. Правильно будет «не согласен». – Посерьезнев, продолжил, стараясь объяснить свою мысль. – Успокойся, дружище! Тут ещё вот в чём загвоздка. Кто-то из нас обязан выбраться к нашим, чтобы рассказать и о лагере, и о зинданах, и о Толяне с Валерой. И о твоих пацанах. Нельзя, чтобы нас за предателей держали. Мы никого не предавали. И даже не думай спорить. Закон джунглей, он ведь, братишка, не только в Африке закон. Такие вот дела...

В каморке повисла тишина. Друзья, словно позабыв о времени, думали о своём. Наконец Фрол, вздохнув, заговорил, не отрывая глаз от своих кулаков:

– Как ты думаешь, Пехота? Выгорит у нас или нет? И что будет, если все наши к барбухайке кинутся? А если у тебя не получится ствол захватить? В горах без оружия делать нечего.

Пашка даже поворачиваться не стал. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел, как на потолке появляются робкие отблески пробуждающегося рассвета. Выждав пару секунд, негромко, как бы про себя, ответил:

– Здесь столько можно вопросов придумать, что башню сорвёт. Только я сомневаюсь, что всем нашим удастся до машины добраться. Кому-то повезёт, а кому-то нет. Если получится, то все влезут. Уместимся. Нам момент упускать нельзя. Скоро нас во двор поведут. Значит, мулла приедет. Без него в истинную веру не примут. Машин во дворе прибавится. Существуют ведь какие-нибудь правила или традиции? Это, наверное, как в комсомол вступить. Обязательно комсорг должен присутствовать. Обряды веками складывались. Я уверен на все сто процентов, что бардак непременно возникнет. Куда ж без него? Вот этим и воспользуемся. Мы просто должны уяснить для себя раз и навсегда, что другого шанса у нас не будет. Если упустим, то у нас два пути. Или соглашаться, или в отказ идти. Отсюда и плясать надо...

Фрол хмыкнул:

– Тоже мне, танцор нашёлся.

Снаружи раздались шаги, а затем негромко звякнула щеколда...

Кабир, вождь племени, стараясь не выказывать своего интереса, мельком взглянул на сидящего рядом с Джалалудином чужестранца. Ему впервые приходилось принимать у себя заокеанского гостя. Из рассказов сведущих людей, он знал, что американцы просты в общении, как несмышлёные дети. Этакie простачки, не признающие условностей. Но эта простота зачастую противоречит многовековым обычаям и традициям мусульманского Востока. Прибывший за несколько часов до этого посланник доктора Бурхануддина осторожно, но довольно твёрдо порекомендовал старейшине не обращать внимания на возможную бестактность кяфира. «Американцы считают себя вершителями судеб мира. – Говорил эмиссар, старательно пряча глаза. – Эти неверные ошибаются, думая, что их не постигнет кара Всевышнего. Но сегодня они наши союзники в борьбе против оккупантов. И от их помощи зависит очень многое. Наш руководитель просил на словах передать, чтобы вы были терпимы к невежеству англосакса. Высокомерие, эта печать Иблиса, на его лице. Он называет себя журналистом. Но это не так. Он часто меняет свои прозвища и просит, чтобы сегодня его называли Алжирцем. Будьте снисходительны к глупцу, не знающему света истинной веры. Господин Бурхануддин рассчитывает на вас. А он умеет быть благодарным». Слушая посланника, старейшина с трудом сдерживал свой гнев, но ничего не мог поделать. Так уж вышло, что некоторые пути караванов Раббани пролегли через земли племени, и это обстоятельство делало его зависимым от расположения потомка скотовладельцев. С самого начала Кабир противился желанию доктора и даже намеревался сформировать отряд самообороны, чтобы в бою доказать простую истину: землёй пуштунов может распоряжаться только пуштун. А не таджик или белудж. Но в дело вмешался сам Хекматияр, прислав короткую записку: «Противоречия между нашими народами должны быть забыты перед лицом великой беды. Я рассчитываю на ваше благоразумие и прошу оказывать посильную помощь нашему общему другу». Это письмо передал вождю Заки, который некоторое время спустя стал его правой рукой и главным советником. Однако порою старейшина не мог отказать себе в удовольствии продемонстрировать свою независимость от кого бы то ни было. Вот и сегодня он не вышел встречать гостей, поручив это дело приближённым. Кабир знал, что Джалалудин непременно отреагирует на скрытое пренебрежение, но не боялся гнева полевого командира. Напротив, старейшина рассчитывал своим поступком спровоцировать гостя на разговор и высказать своё неудовольствие по поводу отсрочки платежа за участие его людей в боевой акции. Клятву надо держать. Ведь тот начал её со слов «Клянусь Аллахом!», а это значит, что данные договорённости не терпят пересмотра.

Закончив с воспоминаниями, хозяин оглядел гостей. Он был несколько смущён поведением американца, выделявшегося высоким ростом, светлой кожей и мощными плечами. Вопреки предупреждениям эмиссара и сведущих людей, чужеземец вел себя довольно скромно и в тоже время с достоинством. Кабир вдруг поймал себя на мысли, что испытывает невольную симпатию к этому весьма молодому человеку. Остановив свой взгляд на Джалалудине, хозяин заговорил. Негромко и неспешно, как и полагается вождю:

– Мы искренне рады видеть вас в нашем доме. Пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Гость является проводником в Райские сады». И несмотря на скудость наших полей, вызванную засухой, мы постарались подготовить достойную встречу. – Хозяин намеренно пренебрёг обычаем и упомянул про неурожай. Ему хотелось дать понять надменному боевику, что не собирается забывать про обещанное вознаграждение. Заметив насмешку в глазах полевого командира, продолжил, сделав вид, что не понял безмолвной, но язвительной иронии. – Я вижу, что вы, многоуважаемый Джалалудин, не привели с собой переводчика. Может мне стоит позвать своего? Чтобы наш заокеанский гость не чувствовал себя немым и глухим?

В разговор внезапно вмешался американец. Бросив, скорее предупреждающий, а не вопрошающий взгляд на смутившегося боевика, начал чуть нараспев:

– Не беспокойтесь, многоуважаемый Кабир! Я знаю благородный язык вашего народа и с удовольствием общаюсь на нём. Прошу простить, если нарушил обычай. Поверьте, я сделал это без злого умысла и только лишь для того, чтобы избежать кривотолков и недоверия.

Увидев мимолётное замешательство Джалалудина, старейшина с трудом сдержал удовлетворённую улыбку. Благоклонно кивнув чужестранцу, ответил подчёркнуто дружелюбно:

– Вам не стоит извиняться, уважаемый... – Кабир умолк, как бы разрешая гостю представиться самостоятельно.

– Зовите меня «Алжирец». Я журналист, но в силу известных вам обстоятельств, моя миссия является нежелательной для Советов. Я намерен давать правдивую информацию о борьбе афганцев за свободу и независимость. И только поэтому вынужден пользоваться псевдонимами.

Старейшина слегка прикрыл веки в знак понимания. Выдержав короткую паузу, вежливо спросил:

– Какая нужда привела вас, уважаемый Алжирец, в наши земли? Мы готовы оказать вам любую помощь и поддержку. Не стану скрывать, ваша миссия полна опасностей и лишений. Мы готовы выслушать.

Американец благодарно улыбнулся и, расстегнув брезентовую сумку, извлёк из него небольшой кожаный кейс на молнии. Положив пухлый баульчик на ковёр, взглянул на вождя:

– Это документы пленных шурави, которые находятся на вашем попечении, уважаемый Кабир. Мне их передал господин Джалалудин, предварительно заручившись согласием высококочтимого Доктора. Я хочу взять интервью у ваших, так сказать, непрошенных гостей. Особенно меня интересуют два человека. Когда вы позволите мне встретиться с ними?

Хозяин не сдержал улыбки. Ему понравилось, что Алжирец, пусть и бесцеремонно, отвёл высокомерному полевому командиру незавидную роль безмолвного свидетеля. Он даже не счёл нужным сообщить иностранцу, что пленники являются собственностью Джалалудина. Бросив мимолётный взгляд на кейс с документами, ответил, быть может, с некоторой поспешностью:

– Завтра эти люди будут в полном вашем распоряжении, уважаемый Алжирец. Сегодня им предстоит сделать нелёгкий выбор между светом и мраком невежества и безбожия. Те, кто примет правильное решение, будут готовы ответить на все ваши вопросы. Мы искренне заинтересованы в правдивом освещении событий в нашей многострадальной стране. – Оглядев дастархан с яствами, гостеприимно развёл руками. – А теперь, дорогие гости, угощайтесь. Вам надо набираться сил после долгой дороги. Начнём же трапезу с именем Аллаха!

Внезапно где-то невдалеке раздалась длинная автоматная очередь. Мужчины одновременно взглянули на хозяина...

Фрол, усмехнувшись, прокомментировал:

– Тоже мне, танцор нашёлся...

Договорить он не успел. Снаружи раздалась шага, а затем негромко звякнула щеколда и на пороге появился Таджики. Опасливо оглядев лежащих на циновках парней, он зачем-то неуклюже поклонился и лишь за тем поставил на пол глиняную миску с кусками лепёшки. Рыжий громко хохотнул:

– Ты где так классно кланяться научился? В школе прапорщиков, что ли? Я слышал, что там другому учили. – Приподнявшись на локтях, ехидно добавил. – Гляди-ка Пехота! Нашего старшего в бабайскую одежду нарядили. Теперь он точно... Вылитый басмач!

Тот, пропустив мимо ушей колкость Фролова, наклонился к Коробову:

– Слышь, Паха? Мне вчера Мамун шепнул, что сегодня мулла сюда приедет. В ислам записывать нас будут.

Пашка жестом остановив готового снова взбрыкнуть разведчика, сразу перешёл к делу:

– Не торопись, Тадж. У нас вопросы к тебе есть. Как-никак ты у нас единственный источник.

– Какие? Только давай быстрее.

– Сколько человек в охране сегодня?

Прапорщик с неохотой на лице опустил на корточки:

– Восемь. Вместе с начальником охраны. – Немного помолчав, добавил для солидности. –

Его Парвизом зовут.

– Чем вооружены?

Таджик огрызнулся:

– Я что, на допросе? Ты сам не видел?

Фрол не выдержал:

– Отвечай, сука, когда тебя спрашивают! – От напряжения и гнева его голос сорвался на визг. Спohватившись, рыжий перешёл на шёпот. – Урою, падла!

Почти щенячий взвизг Фролова не напугал, а лишь прибавил прапорщику смелости. Поднявшись в полный рост, он с ненавистью взглянул на парня:

– А ты меня не «сучь», сявка писклявая. Сам ты падла! – Сплюнув и демонстративно растерев плевков резиновой подошвой, перевёл взгляд на Коробова. – Бежать решили? Не советую. До полуденного намаза сюда приедет Заки. Муллу контролировать будет. С ним не меньше четырёх человек... Машин во дворе пока нет. У домика охраны мопед Парвиза стоит. Заки на джипе ездит, а охрана на пикапе. Не обижайся, сержант, но я не с вами. Я жить хочу. Ну... Я пошёл? Минут через десять ведро воды принесу. Умойтесь. Не пейте только. Хотя и без моего совета не получится. Водичка из «солёного» колодца.

Пашку вдруг осенило. Он даже придержал Таджики за подол длинной рубахи:

– Постой, тёзка! А разве здесь два колодца? Я только один видел.

Тот развернулся и резким движением вырвал подол из пашкиных пальцев:

– Чего тебе ещё надо? Два, конечно. У хозяйского дома колодец с пресной водой. Её сейчас там мало. Едва на питьё и готовку хватает. А за вашей хибарой второй. Он с солёной водой. Пить её невозможно, но для умывания сойдёт. В нём цельная река текёт. Течение сильное. Сам видел, когда набирал.

Не поднимая глаз на парней, Таджик поправил одежду и молча вышел из каморки.

– Как ты думаешь, Пехота? Сдаст или нет? – По лицу Фрола было видно, что ему стыдно и за срыв, и за повизгивание. Парню просто хотелось поскорее прикрыть этот эпизод пустыми, по сути, вопросами.

Пашка отмахнулся:

– Забей. Не должен прапор нас сдать. Да и не верит он, что мы решимся рвануть. Не в нём дело...

– А в чём? Не тяни, Паша. Времени по ходу не так много.

Коробов вплотную придвинулся к товарищу:

– Дело в том, что под нами действительно «цельная река текёт»! Это – система подземных каналов. Кяризы по-ихнему. Её веками копали, чтобы поля поливать. Мне пацаны рассказывали, что туннели на сотни километров тянутся.

Глаза разведчика вспыхнули надеждой. Он даже кулаком по лбу себя пристукнул:

– Точно! Как я мог забыть? Я ведь пару раз оттудова духов выкуривал! – Опомившись, помрачнел. – Только не для нас эта хрень. Да и откуда здесь солёная вода? Не море всё-таки. И не океан.

Пашка уже и не пытался сдерживать азарт:

– Говорю же, Командир, забей! Наверное, пласты почвы разного состава под нами. Вот и получается, что в этой точке потоки встречаются или расходятся. Пересекаются вроде... А может и нет... Кишлак потому и заброшен, что пресной воды мало, а солёной, ни к чему не пригодной, хоть завались.

– И чо? – Фролов явно потерял интерес. – Какая, блин, разница почему люди кишлак бросили?

Коробов покачал головой:

– Никакой. Только если мы пролетим с машиной, то сможем под землёй уйти. Соображаешь? Так даже проще. Нам пять секунд потребуется, чтобы в колодец сигануть. Сечёшь? Это верняк!

Рыжий с сочувствием посмотрел на товарища:

– Ты не заболел, братишка? Мы летом по кяризам шарили. И то через пять секунд писюн только на ноготь мизинца тянул. Там такая холодрыга, что мы с тобой больше получаса не протянем. Отвечаю. Темень, хоть глаза выколи. Без фонарей, на ощупь? Нет, Паха! Парень ты головастый, но здесь не по теме завернул. Они все выходы знают. Им и делать-то ничего не надо будет. Только посты у ближайших колодцев выставят и всё. Зуб даю, что мы до первого колодца доберёмся и сами будем просить, чтобы дяденьки нас наверх вытащили. У человека от холода соображалку напрочь отрубает.

Пашка попытался возразить, но больше по инерции. Он понимал, что разведчик безоговорочно прав:

– Х*р мы им сдадимся! Лучше под землёй подохнем.

– Эх ты, салажонок..., – Коробов отчётливо услышал в голосе друга отеческие нотки. Фрол приобнял его за плечи. – Знаешь, Паша? По мне лучше в бою пулю словить, чем в кяризах загнуться. Помирать, так с музоном! – Развернув товарища лицом к себе, ласково-насмешливо заглянул в глаза, – ну что, Пехота? Дадим душарам концерт?

Пашка не стал смахивать непрошенную слезинку. Просто тихо ответил:

– Дадим Разведка...

Через пятнадцать минут дверь распахнулась настежь, и вооружённый охранник знаком приказал им выйти. Коробов почувствовал озноб. Страх почти сковал его волю. В голове мелькнула предательская мыслишка: «Может принять их веру? А потом рассказать, что у меня отец большой партийный начальник? Обменяют. Как пить дать обменяют!». Пашка поднял глаза на Фролова и увидел его спокойное лицо. Разведчик был готов к действиям. Его шаги были тверды, а походка уверенной и пружинистой. «Чего это я? – Коробову по-настоящему стало стыдно, – хорошо ещё, что взглядами не встретились. Рыжий наверняка бы всё понял и тогда... Даже думать не хочется». На выходе их ожидали три товарища, которые сидели в соседней комнатухе. Чуть в стороне с унылым видом стоял Таджики. Фролов приподнял руку в приветствии и даже хотел что-то сказать, но его опередил казах. Улыбнувшись, какой-то отрешённой улыбкой, парень тихо проговорил, явно обращаясь ко всем сразу:

– Держись, братва! Всё будет как положено...

Он не успел закончить. Начальник охраны громко скомандовал, и охранники, не грубо, но довольно решительно стали подталкивать пленников к центру площадки. Пашка, оправившись от неожиданных и непонятных по смыслу слов казаха, окинул взглядом двор. Он увидел Заки, стоящего рядом с муллой в окружении четырёх охранников и обе машины, припаркованные в метрах пятнадцати от выезда. «Их четверо. – Мозг заработал чётко, как будто не было приступа безволия и страха. – Стоят, как клоуны. Расслабились ребята... Калашники свои как палки держат. Заки вообще без оружия. Получается, что он не в счёт. Священник вроде бы с переводчиком. Тот пацан пацаном. Лет шестнадцать на вид. Откуда он язык-то знает? Хрен с ним... Надо же? Водилы сидят между тачек на коврике и чай гоняют! Местные охранники вообще нюх потеряли. Шастают туда-сюда с тупыми харями... Только этот, Парвиз, с оружием

наизготовку. Рядом стоит... Сволочь. Мулла наверное ждёт». Коробов покосился на друга. Рыжий, очевидно почувствовав взгляд, еле слышно шепнул:

– Щас, Паха... Не мельтеши. Щас мулла с пацанчиком к нам подойдёт, тогда я к...

Фрол умолк, заметив подозрительный взгляд начальника охраны. Пашка прикоснулся к его руке. Дескать, понятно всё. Парвиз, ещё раз косо взглянув на пленников, закинул автомат на плечо и быстро зашагал к начальству. Разведчик, вздохнув с облегчением, закончил прерванную фразу:

– Если вмястях подойдут, я бородатого на тебя и рву к пикапу.

Коробов не ответил. Он внимательно следил за начальником охраны, Заки, муллой и водителями. Ему показалось, что время притормозило. Даже шаги Парвиза стали тягучими, как в замедленной съёмке. Парень энергично потряс головой. Помогло.

Между тем, старший охраны, выслушав Заки, отступил в сторону и почтительно склонил голову, пропуская вперёд священнослужителя с переводчиком. Пашка услышал взволнованный шёпот друга:

– Ты тока попа ихнего не трогай... И мальчонку. Не нужны они...

Коробов снова промолчал. Он видел, как Парвиз, идущий следом за муллой, снял автомат с плеча. «Всё. Если сложится, то бородатый не успеет среагировать на толчок. Мне только надо попасть ему в горло и перехватить ствол...». Мысль замерла. В воздухе повисла тишина. Мулла уже начал приподнимать раскрытую ладонь вверх, как вдруг безмолвно стоящий до сих пор казах решительно шагнул вперёд и, глядя на начальника охраны, спокойно заговорил:

– Я мусульманин. И мне не надо дважды свидетельствовать, что нет истинного бога, кроме Аллаха! Дайте мне свой автомат, и я на деле докажу, как надо поступать с неверными...

Коробов ошеломлённо смотрел, как Парвиз, будто находясь под гипнозом, безропотно выпускает из рук оружие: «Неужели нас расстреляет Сабыржан? Бред какой-то! Парвиз ведь не знает русского языка. Почему он отдаёт свой автомат?».

– Ну ты и сволочь! – Это Фрол, видимо осознав происходящее, успел обратиться к бывшему сокамернику...

А дальше началось невероятное. Сабыржан принял от безвольного начальника охраны автомат и на глазах онемевших от неожиданности афганцев без суеты дослал патрон в патронник. Оглянувшись на растерянных товарищей, вдруг заорал. Бесшабашно и весело:

– Атас, пацаны! – Дав короткую очередь в сторону боевиков Заки, добавил уже сорвавшимся голосом. – Щас я их приложу...

Первым, как ни странно, опомнился Таджик. По-бабьи всплеснув руками, он рухнул на землю и прикрыл голову ладонями. Пашка быстро взглянул на Парвиза. «У меня только одна секунда» – успел подумать парень, нанося удар в горло старшему охраннику. Он видел, как враз обмякшее тело душмана валится под ноги, и как пришедший в себя Фрол огромными скачками несётся к водителям, по дуге огибая присевших на корточки Заки и его телохранителей. «Ствол! Мне нужен автомат! Духи все попрятались» – мысли смешались, но Коробов смог собраться. Схватив, поливающего короткими очередями окна и двери хибар казаха, крикнул:

– Хорош, Сабыр! Давай к машине. На бегу стреляй...

Воздух заполнился автоматными очередями. Это подчинённые Парвиза пришли в себя и открыли огонь из укрытий. Коробов оглянулся. Два других пленника, имена которых он так и не успел узнать, корчились в судорогах на грунте. Пашка застыл на мгновение, но в это время услышал сдавленно-хриплый голос казаха:

– Помоги, братан! Зацепило меня малость...

Подхватив подмышки товарища, Пашка зачем-то взглянул в сторону Заки. Тот лежал за телом раненного моджахеда и пустыми глазами смотрел в его сторону.

– Щас, братишка... Щас наш рыжий подскочит...

Он инстинктивно пригнулся ещё ниже в ту же секунду рядом заскрипели тормоза. В небо поднялась пыльная завеса.

– Сигай сюдой, Пехота! – Фрол кричал, почти распластавшись на переднем сиденье.

Пашка напряг остатки сил и втолкнул Сабыржана в салон.

– Помоги... Сабыр ранен... тяжёлый. – В это же момент он почувствовал горячий удар в бедро и заорал от боли и нетерпения. – Тяни, твою мать!

Разведчик подхватил тело казаха. Пашка, швырнув автомат в кузов, почти теряя сознание, всё же смог перевалить ставшее непослушным тело на платформу.

Фрол, тихо матерясь, резко нажал педаль газа.

Глава 9. Пуштунвали. Кодекс чести

Вождь не смог сдержать мимолётной улыбки. Ему всё больше и больше нравился американец, который несколькими фразами, сам того не ведая, указал высокомерному таджику его настоящую роль. Незавидную роль безмолвного свидетеля. Кабир даже не счёл нужным уведомить журналиста, что пленники являются собственностью Джалалудина. Бросив короткий взгляд на маленький кейс с документами, ответил, быть может, с некоторой поспешностью:

– Завтра эти люди будут в полном вашем распоряжении, уважаемый Алжирец. Сегодня им предстоит сделать нелёгкий выбор между светом и мраком безбожия. И те, кто примет правильное решение, будут готовы ответить на все ваши вопросы. Мы искренне заинтересованы в правдивом освещении событий в нашей многострадальной стране. – Оглядев дастархан с яствами, гостеприимно развёл руками. – А теперь, дорогие гости, угощайтесь. Вам надо восстановить силы после долгой и трудной дороги. Начнём же трапезу с именем Аллаха!

Внезапно где-то невдалеке раздалась длинная автоматная очередь. Мужчины одновременно взглянули на хозяина. В глазах гостей читалось недоумение и тревога. Кабир замешкался лишь на секунду, подбирая слова для объяснений, но этого времени вполне хватило Джалалудину, который, отставив в сторону пиалу, голосом, полным приторного сочувствия, успел задать вопрос с явным подтекстом:

– Вероятно, выбор неверных оказался слишком тяжел для них? Вашим людям потребовались более весомые аргументы...

Он не успел закончить свою речь. Автоматная очередь прервавшись на мгновение, тут же переросла в ожесточённую перестрелку. Но вождь уже вполне овладел собой. Тяжко вздохнув, он слегка приподнял руки вверх ладонями:

– На всё воля Аллаха! Мои советники – люди, умудрённые опытом. Они не станут трать патроны впустую. Давайте продолжим прерванную трапезу и дождёмся Заки. Надеюсь, он принесёт нам правдивые и добрые вести.

Джалалудин с трудом удержался от соблазна продолжить скрытые нападки на хозяина. Даже не потому, что обладал врождённым тактом и знал правила, предписанные гостю. Он просто боялся преступить ту черту, за которой начинал действовать закон мести – незыблемый принцип кодекса чести пуштунов. Полевой командир вполне осознавал, что, если он нарушит неписаный свод законов гордого племени, его отряду не выйти живым из пределов Кабира. Благоразумно замолчав, гость снова поднял пиалу, но в этот момент в разговор внезапно вмешался Алжирец. Его лицо по-прежнему было спокойным и приветливым, но в глазах затаилось беспокойство. Придерживаясь тональности хозяина, журналист заговорил неторопливо и слегка нараспев:

– Прошу простить меня, многоуважаемый Кабир, если я по своему невежеству нарушаю этикет. Поверьте, мои помыслы чисты и в них нет желания причинить вам обиду. Я хочу лишь напомнить вам о своей небольшой просьбе. Мне необходимо поговорить с пленниками.

Вождь нашёл силы для дружелюбной улыбки:

– Просьба гостя – закон для хозяев. Так гласит наш обычай. Но я должен повториться: на всё воля Всевышнего. Давайте дождёмся вестей от моего советника.

Заки, дождавшись окончания стрельбы, поднялся с земли. Он был взбешён случившимся и в тоже время понимал, что повёл себя не так, как положено воину. Ему просто необходимо было реабилитироваться в глазах охранников. А это можно сделать лишь одним путём: переложив вину за проявленную им беспечность на Парвиза и на самих боевиков. Оглядев вышедших из укрытий людей гневным взглядом и в сердцах пнув бездыханное тело своего нукера, заговорил громко, с надрывом, то и дело прерывая речь проклятиями:

– Вы! Дети шакалов и ослиц! Как вы позволили неверным бежать?! Я, понадеявшись на вашу храбрость, считал вас воинами... Я даже оружия не взял... Глупец! Но вы оказались воплощением трусости и бесчестия! Вы постыдно попрятались в домах, позволив им завладеть оружием и машиной. Позор на мою голову!!! Что я отвечу нашему вождю, когда он будет задавать мне вопросы? Что мои воины оказались неразумнее младенцев и трусливее женщин?! Это я должен буду сказать уважаемому Кабиру? И ещё я должен буду сказать, что Парвиз, лишившись разума, сам передал свой автомат шурави, который ввёл его в заблуждение детской улыбкой и словами, сказанными на языке собак? О, Всевышний! За что ты так жестоко наказал меня? – Картинно воздев руки к небу, Заки искоса взглянул на стоящих неподалёку людей. Заметив, что его, наполненные трагизмом слова, произвели нужное впечатление, опустил руки и тихо, как бы про себя, добавил. – Слава Пророку, что достопочтенный мулла был рядом со мной и сможет подтвердить правоту моих слов...

Толпа испуганных и растерянных охранников расступилась, позволяя пройти священнослужителю. Заки взглянул на муллу. Тот, несмотря на бледность, был спокоен и сдержан. Советник с почтением склонил голову:

– Скажите что-нибудь, многоуважаемый служитель Аллаха и его Пророка! Я нуждаюсь в вашем совете и напутствии...

В глазах муллы мелькнуло злорадство. Он не любил Заки. Человека пришлого, чужого и излишне самоуверенного. Не любил, но всё же решил подыграть. Тяжко вздохнув, смиренно опустил взгляд:

– Я всего лишь скромный служитель Всевышнего. Не моё дело давать советы воину. Но я думаю, что настала пора вспомнить обычаи наших предков, даровавших нам пуштунвали. Кодекс чести нашего народа. Месть. Вот о чём вы, уважаемый Заки, должны сейчас думать. Этот кяфир, который сейчас трусливо ждёт своей участи, наверняка знал о замысле своих товарищей. Знал, но не уведомил вас. И он должен ответить за это. И ещё. – Мулла поднял голову и сурово взглянул прямо в глаза советнику. – Мне кажется, что вам пора выслать погоню. Мы и без того потратили слишком много времени на разговоры. Беглецы не должны уйти от справедливого возмездия.

Заки, с трудом сдержав раздражение, учтиво приложил руку к сердцу:

– Ваша мудрость безгранична. Ваш добрый совет вернул мне разум. – Выпрямившись, советник взглянул на своего телохранителя. – Вазир, обезглавьте кяфира по прозвищу Таджик и отдайте псам его тело.

Боевик с готовностью кивнул и уже было повернулся, чтобы исполнить приказ, но вдруг остановившись, спросил:

– Заки, быть может мы сначала догоним беглецов? Ведь мы по-прежнему теряем время. Поймаем и предадим казни всех вместе...

Советник вождя усмехнулся с превосходством:

– Нам незачем гнаться за этими безумцами. Дорога ведёт к горам. Там лишь одна тропа, которая выведет их к кишлаку. Они не знают об этом. А мы встретим их на выходе. Их ничтожным жизням осталось не больше двух суток...

Поздним вечером Алжирец осторожно постучал в дверь гостевой комнаты. Джалалудин распахнул створки через пару секунд. Он как будто ожидал визита журналиста. Жестом пригласив гостя пройти в глубь помещения, мужчина внимательно осмотрел коридор. Убедившись в отсутствии посторонних, плотно закрыл створки на щеколду.

– Я внимательно слушаю вас. Что привело вас ко мне в неурочный час?

«Как я устал от витиеватости их речей! – Думал американец, усаживаясь на ковёр. – Хотя уши затыкай! Неужели нельзя обойтись без словоблудия? Такое ощущение, будто я участвую в съёмках сериала про Али-бабу. И эта полуграмотная обезьяна тоже корчит из себя сказочного падишаха. Надоело! Выполню задачу и выпрошу у босса отпуск. Второй год слушать чушь собачью и делать вид, что мне нравятся эти туземцы. Ладно. Надо собраться». Дождавшись, когда хозяин комнаты расположится напротив, Алжирец решил отказаться от вступления и сразу перешёл к делу:

– Послушайте, мистер Джалалудин, давайте говорить прямо и откровенно?

Тот усмехнулся:

– А кто вам мешает? Мудрецы в старину говорили: «На свете нет ничего, что заслуживало бы более продолжительного тюремного заключения, чем язык». Вы хотите быть откровенным? Нет ничего проще. Я готов выслушать.

Журналист кивнул, выражая удовлетворение:

– Мне нужна ваша помощь. Кабир не смог выделить время для встречи со мной, в связи с известными обстоятельствами. Но я точно знаю, что один из интересующих меня людей, пленный офицер, уже убит людьми Заки. Это очень плохо, но не критично. Гораздо хуже, что второй узник, капрал Коробов, сегодня смог совершить побег. Я понимаю, что беглецы не уйдут далеко. Но беда в том, что старейшина распорядился предать их жестокой казни.

Полевой командир изобразил равнодушие:

– Что плохого в казни неверного, убившего начальника охраны и дерзнувшего совершить побег?

Американец едва сдержал гнев. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы успокоить нервы. Наконец он смог заговорить. Негромко, но с напором:

– Вы правы. Вижу, что вам безразлично, как вождь маленького племени будет распоряжаться вашей собственностью. Я ведь знаю, что пленные шурави принадлежат именно вам. Не так ли?

Джалалудин снова усмехнулся. Ему очень нравилось безнаказанно поддразнивать «журналиста»:

– Мистер Алжирец! Вы ведь хотели поговорить о деле, а сами блуждаете в собственных фантазиях. Мне кажется, что вы немного заблудились в своих видениях. Быть может вам надо просто отдохнуть? Уверяю, утро освежит ваш разум. И нужные для хорошей беседы слова сами сложатся в правильные фразы.

«А ты не так прост, как мне показалось сначала. – Подумал американец, заставив себя улыбнуться. – Ну что же? У тебя есть чему поучиться. Хорошо. Пусть будет, по-твоему». Сте-рев с лица чересчур слащавую улыбку, он осторожно заговорил:

– Правительство моей страны уже заплатило многоуважаемому доктору за этих узников. Один из них погиб. Учитывая сложившиеся обстоятельства, я, со своей стороны, готов компенсировать лично вам, уважаемый Джалалудин, ваши моральные издержки. Причём, вполне материально. Мне нужен этот русский капрал. И вы должны мне помочь.

Боевик поморщился, но стерпел. В конце концов, что можно взять с кяфира, разум которого поражён гордыней? Не лучше ли просто получить деньги за небольшую услугу? Немного помолчав для солидности, полевой командир подвёл итог:

– Я не против сделки с правительством вашей страны, уважаемый Алжирец. И готов оказать вам помощь. Пленные действительно являлись моей собственностью, до тех пор, пока

в дело не вступили законы пуштунвали. Мне будет очень трудно убедить Кабира, чтобы он сохранил жизнь русскому капралу.

«Журналист» не смог сдержать вздох облегчения:

– Моя благодарность будет очень весомой.

Джалалудин слегка наклонил голову, скрывая презрительную улыбку:

– Охотно вам верю...

Глава 10. Похоронка

Елена Сергеевна Коробова постепенно возвращалась к жизни и обживалась на новом месте. После памятного разговора с мужем она хоть и с трудом, но пересмотрела свой взгляд на события, круто изменившие многолетний семейный уклад. И даже служба сына в армии перестала казаться ей катастрофой. В немалой степени такому повороту способствовала беседа с отцом, бывшим высокопоставленным партработником, а ныне заслуженным пенсионером союзного значения. «Понимаешь, дочка? – Неторопливо говорил Сергей Иванович, с благодарностью принимая из её рук чашку горячего чая. – Время не стоит на месте. Лично я не понимаю нынешнее руководство. Не понимаю, но и не возмущаюсь громко. Михал Сергеевич решил народу побольше свободы дать? Интересно, а с чего он решил, что её не было? Всё с ног на голову перевернул. «Застой» какой-то выдумал. Позёр и болтун! На основы замахнулся. Такой подход – это мина замедленного действия. Как и когда она рванёт не знает никто. И я не знаю. Дай Бог не дожить мне до этого... Одно я знаю точно: у руля станут новые люди. Не усидит Мишка на троне. Кишка у него тонка. Он даже Никите в подмётки не годится. Несёт ахинею. Думает, что его болтовня реальные дела заменит. Нет. Не выйдет. Это сейчас народ хлопает в ладоши, не вслушиваясь. А когда вслушается и поймёт, что ничего путного генсек так и не сказал и не сделал... Вот тогда он и полетит, кувыркаясь. Я думаю, что твой Юра правильную ставку сделал. Прочувствовал ситуацию. Моя школа! Ты как хочешь, но Павлик свою дурь вовремя выкинул. Как говорится, нет худа без добра. Плохо, конечно, что человек пострадал... Но куда ж без этого? Его выкрутасы забудутся в конце концов. А вот то, что он в армии служил, да ещё и в Афганистане... Такое никогда не забывается. И мужу твоему в росте поможет, и Пашке в будущем пригодится. Ведь когда власть меняется, а дело к этому и идёт, все начинают народу доказывать, что их руки и совесть чисты, как снег на Северном полюсе... Прямя ангелы. Ну а потом... А потом, дочка, всё на свои места становится. И выигрывает тот, кто в смутное время поближе к сильному был. И поддержал. Здесь мелочей не бывает. Такие вот дела». Елена Сергеевна не сказала отцу, что её перестала волновать карьера мужа. Зачем расстраивать старика, для которого эта тема ещё недавно была смыслом жизни? Просто она осознала, что Павел, её сын, незаметно для неё вырос, стал мужчиной и сам будет выбирать свой путь. Когда вернётся домой.

Коробова встретила домработницу в коридоре, буквально сгорая от нетерпения. Она уже сама спускалась к почтовому ящику, но надеялась, что ей просто не повезло:

– Почту проверяла? – Елена Сергеевна даже сумки с продуктами взяла из рук Аннушки, чтобы та побыстрее отдышалась.

Помощница, тяжело вздохнув, опустила на пуфик:

– Устала... Проверяла, Леночка Сергеевна... Пустой, зараза. Нету там ничего. Одни газеты лежат. Я их даже брать не стала.

На глазах хозяйки навернулись слёзы:

– Четвёртую неделю от Павлика писем нет. Даже не знаю, что и думать... Надо сказать Юрию Алексеичу. Пусть попробует с командованием связаться. Это же безобразие!

Женщина покачала головой:

– Ну, свяжется он с генералами, а те ответят, мол, всё в порядке. Какое им дело до простого солдата? Конечно, если бы они знали, чей Паша сынок, то давным-давно или домой возвернули, или около себя пригрели. От греха подальше. А то и время попросят. Дескать, разузнать надо. Да и позабудут потом. Ребёнок-то не ихний!

Елена Сергеевна, не найдя слов для ответа, развернулась и прошла на кухню. Сидя за столом, она молча наблюдала как домработница хлопочет около плиты, занимаясь обедом. Наконец, не выдержав затянувшегося молчания, тихо спросила, советуясь:

– Что делать будем, Анюта? Четвёртая неделя заканчивается... Как бы не случилось чего. Которую ночь не сплю...

Та, как будто ждала этого вопроса. Прикрыв крышкой кастрюлю, повернулась к хозяйке:

– И думать о таком не смейте! Себя в молодости вспомните. Часто ли батюшку своего письмами баловали? Насилу я заставляла пару строк черкануть. – Увидев, как помрачнело лицо Елены Сергеевны, подошла к столу и присела рядом. – Вы только не ругайтесь. Думаю, в Загорск мне надо съездить.

Коробова даже руками всплеснула в негодовании:

– Чего ради? Что ты там забыла? Не ближний свет...

Аннушка, зачем-то оглянувшись по сторонам, вплотную наклонилась к хозяйке и зашептала:

– В тамошней лавре старец есть. Мне мои подруги во дворе сказали. Всё про всех знает и никому в помощи не отказывает. Святой человек!

– Что за глупости? Уж лучше к Джуне обратиться. Она, говорят, жену Байбакова вылечила. – Елена Сергеевна в гневе поднялась с места. – Я тебе о Павлике, а ты... – Не договорив, она вдруг замолчала, впервые в жизни увидев упрямство и непоколебимую решимость во взгляде безропотной до сей поры экономки.

Анна опустила глаза и ответила незнакомым голосом:

– Вы что хотите делаете, а я завтра поутру и поеду. Первой электричкой. Расписание сегодня на вокзале списала. Еды я наготовила. Вам только разогреть надо будет...

– Я поеду с тобой! – Коробова и сама не поняла, как эта фраза сорвалась с языка. Но сказав, она внезапно почувствовала облегчение.

– Нет, Леночка Сергеевна! Ни к чему нам Юрия Алексеевича расстраивать. Не поймёт он. Да и неприятности у него могут возникнуть. Чай не последний в партии человек. А я вернусь и всё-всё вам подробно расскажу. Ничего не утаю. Хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.